

НЕЗАВИСИМАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
INDEPENDENT PSYCHIATRIC ASSOCIATION

НЕ ЗА ВИСИМЫЙ
ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
INDEPENDENT
PSYCHIATRIC
JOURNAL

ВЕСТНИК НПА
IPA HERALD

—
II
—
1994
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. С. Савенко [гл. редактор]

Ю. Н. Аргунова

В. Г. Батаев

А. Н. Богдан

С. С. Гурвиц

Э. Л. Гушанский

Н. И. Сафонова [лит. редактор]

А. Капитонов [художник обложки]

НЕЗАВИСИМЫЙ ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Независимая психиатрическая ассоциация

Выпуск II, 1994

Технический редактор *О. Н. Никитина*

Корректор *В. С. Черная*

Сдано в наб. 20.01.94. Подп. в печ. 20.04.94. Формат 60×90^{1/8}. Бумага
типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,0.
Усл. кр.-отт. 5,38. Уч.-изд. л. 4,68. Зак. 243. Изд. № 1486/11Д. С 1232.

Издательство «Независимой психиатрической ассоциации», 103982, Москва, Лучников пер., 4
Издательство «Альба Пресс», 103001, Москва, Трехпрудный пер., 11/13
Ордена «Знак Почета» Издательство стандартов, 107076, Москва, Колодезный пер., д. 14
Калужская типография стандартов, 248006, Калуга, ул. Московская, 256

© Составление НПА, 1994

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХИАТРИИ

- Перечеркнувшая себя интенциональность: бред как попытка субъекта изъять себя из общественных отношений и истории — Эрих Вульф (Ганновер) 5

- Феноменологические аспекты меланхолии — Хуберт Кус (Мюнстер) 13

АРХИВ

- Нервно-психический контагий и душевые эпидемии — В. Х. Кандинский 17

ИЗ ДОСЬЕ ЭКСПЕРТА

- «Семейная» история — Э. Л. Гушанский 21

- Снова телефонное право — В. Г. Батаев 22

ИСТОРИЯ

- «... Снять как вопросы политические» — Н. И. Сафонова 24

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

- Реабилитация лиц, необоснованно помещенных по политическим мотивам на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения — Ю. Н. Аргунова 26

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

- О шизотимной аутистичности — П. В. Волков 29

ХРОНИКА

- Информация о 24-ом ежегодном съезде Американской Академии психиатрии и права 35

- Выездной семинар НПА в Рязани 35

- Гости НПА 36

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

- Две нормы — Г. С. Померанц 37

ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ТВОРЧЕСТВО

- Карен — А. Капустин 39

РЕКОМЕНДАЦИИ

CONTENTS

CURRENT TRENDS IN PSYCHIATRY

Selbstdurchkrenzte Intentionalität: Wahnsinn als Aushebelungsversuch des Subjekts aus Gesellschaftlichkeit und Geschichte-Erich Wulff (Hannover)	5
Phänomenologische Aspekte der Melancholie — Hubert Kuhs (Münster)	13
ARCHIVE	
Neuro-psychic contagion and emotional epidemics — V. Ch. Kandinski	17
FROM AN EXPERT'S DOSSIER	
«Family» history — E. Guchanski	21
The telephone rule again — V. Bataev	22
HISTORY	
«...as the questions being political, avoid dealing with them» — N. I. Sapfronova	24
LEGAL COUNSEL	
Rehabilitation of persons placed without any grounds into mental hospitals for political reasons — Yu. N. Argunova	26

LOOK FROM INSIDE

On schizothimic autisticheess — P. V. Volkov	29
CHRONICLE	
Information on the 24th Annual Meeting of the American Academy of Psychiatry and the Law	35
The seminar of IPA in Ryazan	35
The IPA visitors	36
REVIEWS AND COMMENTS	
Two norms — G. S. Pomeranz	37
PSYCHOPATHOLOGY AND CREATIVITY	
Karen — A. Kapustin	39
RECOMMENDATIONS	
	40

ПЕРЕЧЕРКНУВШАЯ СЕБЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ: БРЕД КАК ПОПЫТКА СУБЪЕКТА ИЗЪЯТЬ СЕБЯ ИЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИИ

Эрих Вульф

профессор, директор психиатрической клиники Ганноверского университета

1.

Интенциональность — это понятие, значение которого варьируется в зависимости от того, где оно применяется: в философии, психологии или в возвышенной повседневной речи. В *повседневной речи* оно просто подразумевает целенаправленность, причем здесь, в соответствии с французским значением слова, присутствует также нечто от сознательного умысла. В *психологии* под интенциональностью понимается (активная) внутренняя направленность на предметы или обстоятельства, в противоположность понятиям, отражающим (пассивное) *состояние*. В противоположность этому *феноменологическая философия* под понятием интенциональности имеет в виду некоторую фундаментальную априорную структуру сознания, а именно, его отношение к миру — причем «сознание» в феноменологическом смысле охватывает собою также и «бессознательное» психоаналитиков. Хайдеггер (1927) истолковывает интенциональность *фундаментально-онтологически* как «бытие-в-мире» — постигающего бытие — «тут-бытия». — В зависимости от того, насколько широко понимается значение «отношения к миру» (а также сознания, в котором оно фиксируется), дoreфлексивные и допредикативные отношения к миру — все то, что поздний Гуссерль (1948) называл «трансцендентально действующей жизнью» — либо также включаются в понятие интенциональности, либо вычленяются из него. В более узкой сфере психиатрии Берингер (1924), говоря о «размахе интенциональной дуги», ввел, наконец, в понятие интенциональности измерение, допускающее количественные оценки.

В данной статье интенциональность понимается в самом широком смысле: как любая форма установления отношения — устремленности — к миру и предметам или обстоятельствам, на которые он расчленяется. При этом я постольку следую «лингвистическому повороту» в философии, поскольку гносеологически «мир и его предметы» я понимаю как *мир, расчлененный на обобщимые значения*. Само же интенциональное сознание — включая сюда «трансцендентально действующую жизнь» — «тут-бытие», которое есть в мире, я, как и Хайдеггер (1927), рассматриваю как в конечном счете обоснованное своим «ради чего», т. е. «смыслом» своего «тут-бытия». Этот смысл тут-бытия дает как первый импульс, так и последнее

основание для устремленности к миру — т. е. к его обобщимым значениям. Под интенциональностью как актом я, таким образом, понимаю здесь *установление* отношения смысла «тут-бытия» — т. е. человеческой экзистенции — к «миру» обобщимых значений. При таком подходе понятийный аппарат, заимствованный у Хайдеггера, сближается с понятиями теории деятельности в рамках «культурноисторической школы» советской психологии (Леонтьев, 1973), выработавшей концепцию «личностного смысла» и «обобщимого значения», как основных моментов самоутверждения человека в жизни. В соответствии с этим интенциональность как структура может рассматриваться как соотнесенность личностного смысла тут-бытия с обобщимыми значениями.

Нам следует еще, во всяком случае, несколько точнее определить, что же имеется в виду под «смыслом тут-бытия». Я понимаю под этим не некий сложный жизненный проект и не какой-нибудь усвоенный или перенятый кодекс ценностей, которые могут придать жизни индивида ее смысл, а нечто гораздо более элементарное, то, о чем идет дело для кого-либо *именно здесь и теперь*. — Причем это «Здесь и Теперь» может, разумеется, нести на себе печать как упомянутых ценностей, так и различных содержаний прошлого опыта. Однако я все же хочу выделить личностный смысл именно в «Здесь и Теперь»: поскольку это именно он *актуально*, в любой данный момент, соотносится с обобщимыми значениями. Так что в дальнейшем я буду говорить не о «личностном смысле» (как это принято в теории деятельности) и не — еще более глобально — о смысле тут-бытия, а о *субъективно-ситуативном смысле*, исходя из которого тут-бытие направляет на мир обобщимых значений свои интенциональные акты. Понятие субъективно-ситуативного смысла — то, о чем идет дело для кого-то здесь и теперь — со своей стороны обретает при таком понимании определенную близость к психоаналитическому понятию «желания», тогда как понятие «обобщимого значения» обнаруживает свою близость лакановскому понятию «имени» или «закона» «отца» (Lacan, 1967). И наконец, с этой точки зрения интенциональность может быть также представлена как акт либидинозного захватывания объектов, подобно тому как это сделал и сам Фрейд (1913/1973, 307) в своем исследовании случая Шребера, причем он, правда, расширил при этом

и понятие «либидо» до понятия «интереса вообще» или же «любви к миру» (там же, 311).

Интенциональность, бытие-в-мире тут-бытия, либидинозная либо, соответственно, основанная на «заинтересованности» занятость объектов через соотнесенность личностного смысла с обобщимыми значениями — все это без исключения может быть, наконец, истолковано в качестве фундаментальных структур *интерсубъективности*. На первый взгляд они кажутся не требующими дальнейшего обоснования и выступают, скорее, как «изначальное знание» (*Urgoха*) (Husserl, 1948, 32), как «априорный перфект» (Heidegger, 1927, 85). Даже в тех случаях, когда речь идет о феноменологически-тут-бытийно-аналитическом истолковании бреда, Бинсангер (1957) в соответствии с этим говорит все еще об одних лишь *отклонениях* от проектов — или, соответственно, структур — тут-бытия, а Бланкенбург (1971, 112) — об «отклонениях интерсубъективных структур». В обоих случаях при этом предполагается, что проектирующий характер тут-бытия, его интенциональность, его бытие-в-мире, его интерсубъективность здесь еще как таковые сохраняются. Лишь у Берингера (1924) речь идет о «ломке» редуцированной в своем размахе «интенциональной дуги», а Фрейд в своем исследовании случая Шребера взвешивает все же возможность такого положения, когда не только либидо, но и «интерес вообще» может полностью отключаться от мира. К этому ряду сомневающихся в априорном совершенстве интенциональности, бытия-в-мире тут-бытия, соотнесенности субъективно-ситуативного смысла с обобщимыми значениями я причисляю и себя. Я поступаю так, ибо полагаю, что к шизофреническим «образам» — таким, как, например, «образ» «крушения мира» или «уничтожения тут-бытия» — необходимо относиться серьезно и что обусловленные шизофренией нарушения мышления и речи, равно как и опыт исследования кататонических больных (Wulff, 1960), также указывают именно на разрушение соотнесенности тут-бытия с миром и, более того, на взаимный антагонизм «тут-бытия» и «мира» «личностного смысла» и «обобщенного значения».

II.

Если к проявлениям бреда присмотреться несколько внимательнее, то легко можно заметить, что многие из них производят впечатление отнюдь не просто бессмысленных, запутанных или вовсе невозможных, а скорее все же сигнализируют о чем-то вроде некой — делегитимирующей — отмены основ и тем самым также базирующихся на них основных правил, которые являются предпосылкой всех форм человеческой коммуникации (ср. Tress, 1986; Tugend-hat, 1979 и H. R. Fischer, 1987). Что касается психических функций, затронутых такой отменой, то в каждом отдельном случае она может иметь более или менее выраженные последствия. Однако она всегда устанавливает нечто вроде регистра, в котором протекает искаженная безумием коммуникация. Даже на первый взгляд кажущиеся разумными отдельные проявления по большей части окрашены своего

рода «противосмысленностью», как можно было бы назвать актуальную отмену основ и основных правил человеческой коммуникации. «Сумасшедший» постоянно не только продуцирует такую «противосмысленность», но и вместе с тем сам претерпевает ее воздействие. Она снова и снова обнаруживается не только в бреду в узком смысле этого слова, но и в шизофренических амбивалентных переживаниях, в неологизмах и аграмматизмах, а также в вербальных и экспрессивных стереотипах; в отштампованных конкретизмах изолирующих, десимволизирующих значений слов, которые — как в словесном салате — отсечены от всех выходящих за их пределы семантических ассоциаций; и, кроме того, в комплементарных по отношению к ним моментах, когда значение слова как бы размягчается, становится проницаемым и кажется совершенно утратившим связь и контрастирующим с изначальным, непосредственным значением, благодаря чему открывается пространство для становящихся безграничными и не поддающимися завершению семантически-ассоциативных связей, которые нигде не находят конца. На симптоматическом уровне это одновременное сочетание ограниченного определенными пунктами и в сверхчеткой форме навязывающего себя переживания значения с диффузной растерянностью и дезориентированностью отражает определенные структурные изменения: а именно, расщепление опыта на не поддающуюся более трансляции посредством значений — и в этом смысле «лишенную значения» — чреватость смыслом [*Sinnträchtigkeit*] и «бессмысленные» — т. е. в поисках смысла бесконечно и безуспешно расширяющие цепь опосредствований — значения (Wulff, 1960).

Нечто подобное можно обнаружить и в чувственном опыте бредящего: в нем прекращено характерное для «нормального» восприятия колебание между управляемыми желанием и страхом фантазиями и незыблевой реальностью, устранена характерная для его горизонта «оттененность», а также его резкость, ослабевающая либо усиливающаяся в зависимости от фокусировки, и т. д. С одной стороны, увиденное и услышанное становится все более навязчивым и вместе с тем болезненно сверхчетким, так что собственная деятельность всматривания или отведения взора, прислушивания или «пропускания мимо ушей», придания воспринимаемому резкости или размытия его определенности элиминируется из процесса восприятия и, более того, то, что прежде выступало лишь как продукт воображения, самостоятельно «материализуется» в качестве бесцеремонно навязывающейся действительности. С другой стороны, то, что ищущий взгляд, всматривание и вслушивание, хочет открыть для понимания, выглядит как нечто утратившее реальность, пустое и в конечном счете лишь иллюзорное. Я рискну высказать тезис, что здесь таким образом именно смысловая соотнесенность восприятия либо пробивается в нем к тоталитарному господству, либо не менее радикально — т. е. без остатка — исчезает из него. Точнее говоря, первое происходит вследствие пассивной, рецептивной установки, а последнее происходит, скорее, из установки активного вмешательства.

III.

Исходя из этих наблюдений, я постараюсь теперь рассмотреть бред под одним вполне определенным углом зрения: а именно, в свете того, что в бреду при осуществлении либо всех в совокупности, либо хотя бы даже только отдельных психических актов блокируется возможность осуществления некоторой функции, которую нам еще предстоит более детально описать. Грубо говоря, эта функция состоит в том, чтобы определенным основным категориям установления отношения к миру и к другим — и тем самым «бытию-в-мире» и «интерсубъективности» — придавать неоспоримую значимость — в смысле некой «естественной самоочевидности» (Blan-kenburg, 1971, 84; Wulff, 1960, 44). Эта функция, правда, лишена характера активного вмешательства и анализирующего истолкования, она, скорее, есть нечто противоположное тому, что обычно понимают под «актом», действием, деятельностью. Ее, пожалуй, можно было бы вслед за Гуссерлем (1948) обозначить как имплицирующий «акт» некого «пассивного синтеза». Ибо она состоит прежде всего в признающем представлении свободы действия и бытия (и постольку также — самостоятельного бытия) тому, что встречается и преднаходится. Лишь посредством таких пассивирующих «актов» производится «естественная самоочевидность» (Wulff, 1992 а, 1992 в). Как раз выпадение именно этой — малозаметной — функции превращает основы любого категориального схематизма порядка — каковой схематизм можно понимать как дальнейшее расчленение потенциальной «самоочевидности» и «чреватости смыслом» какого-либо «нечто» — в голые конструкторы, в конечном счете не поддающиеся обоснованию, для сознательного сохранения которых в силе требуется в таком случае постоянное духовное напряжение, которого никто не в силах выдерживать слишком долго. Указания Губера на факты утраты «привычных иерархий» (1986, 194) и представления Эмриха (1990) о выходе из строя «цензорной инстанции», соотнесенной с исполненным значения доверием, имеют в виду тот же феномен, хотя и рассматриваемый в иной перспективе.. При этом речь идет все же о функции, которая придает самоочевидную значимость фундаментальным категориям установления коммуникативного отношения, — функции, в реализации которой могут быть как удачи, так и срыва.

В рамках феноменологического анализа для того, чтобы более отчетливо представить себе эту функцию, следовало бы, однако, на время исключить фактор именно априорного совершенства в отношении тут-бытия к миру, субъективно-ситуативного смысла к обобщенному значению и даже, в конечном счете, фактор априорного совершенства всех фундаментальных структур интерсубъективности и спросить себя, во что же тогда превращается субъективный опыт. Мой тезис гласит, что посредством осуществления такого выносящего за скобки эпохе — в той мере, в какой оно удается — может «порождаться» бред. Одновременно при вынесении за скобки естественной самоочевидности интерсубъективности должна была бы стать видимой обычно скрытая специфика конститутивных актов, которые связывают субъективно-ситуатив-

ный смысл и обобщенное значение в единое интерсубъективное соотношение. Поскольку, говоря об интенциональности, мы в конечном счете имеем в виду интенциональность человека, интерсубъективность и бред должны были бы в таком случае предстать и в качестве изначальных экзистенциальных альтернатив «тут-бытия» как субъекта. «Интерсубъективность» необходимо должна была бы, таким образом, иметь возможность сопровождать все акты моего сознания, коль скоро эти последние не должны принимать форму бреда.

Каким образом обеспечивается такое сопровождение? Посредством связи между смысловым измерением и измерением значения. Поэтому я полагаю, что связывание измерений смысла и значения есть акт, который должен постоянно продуцироваться в качестве самостоятельного акта тут-бытием как субъектом, причем тут-бытие тем самым — и только тем самым — само продуцирует себя в качестве субъекта (Wulff, 1960, 29, 394; 1989, 144 и далее). В конечном счете здесь речь идет, таким образом, о конституции как бытия-субъектом, так и интерсубъективности, причем в нашем контексте имеется в виду прежде всего познавательный уровень. Эмрих (1990) относит эту категорию актов, связывающих субъективный и субъективирующий уровни опыта, к некой психической «гиперсистеме».

Итак, что же достигается таким связыванием? Им достигается то, что всеобщность, а также процесс обобщения значений переживаются как позволяющие наполнить их субъективно-ситуативным смыслом; а кроме того — то, что субъективный смысл некоторой ситуации в свою очередь признается поддающимся обобщению. Через такую связь обобщимые значения — то, что нечто означает для всех — приобретают измерение некоторого субъективно-ситуативного смысла и тем самым характер личностного требования. Они призывают меня — а не просто кого-то, подобного мне и находящегося точно в таком же положении — к тому, чтобы я вник в них, и за это они обещают мне, что это вникание может иметь для меня некоторый результат — и может меня самого к чему-то привести: я могу лично участвовать в них как обобщимых и тем самым участвовать в их всеобщности. Таким образом они всегда становятся также и в их всеобщности — и как раз в их всеобщности — моими собственными значениями: правда, всегда также лишь частично, они принадлежат не только мне одному, я не могу их узурпировать, не могу просто делать из них все, что хочу именно теперь — и если я пытаюсь это сделать, то они — по крайней мере тогда, когда они артикулируют реальность — оказывают сопротивление, характерное для того, что действительно. С другой же стороны, они сигнализируют и о том, что тот субъективно-ситуативный смысл, который я доношу до них, я могу также включить в их всеобщность, и что он, этот субъективно-ситуативный смысл, может стать частью их всеобщности, что они, таким образом, готовы и способны принять и воспринять его и что в них — именно в их всеобщности — есть тем самым нечто воспринимающее. Здесь можно говорить о взаимной рецептивности (*Rezipitt*), взаимной восприимчивости как со стороны значений

по отношению к субъективно-ситуативному смыслу, так и со стороны субъективно-ситуативного смысла по отношению к обобщим значениям (Wulff, 1960, 89). Самое важное здесь то, что связь измерений субъективно-ситуативного смысла и обобщенного значения может осуществляться лишь через конституирование некоторого — взаимно воспринимчивого — *отношения сопричастности* между субъективно-ситуативным смыслом и обобщенным значением. Это взаимоотношение сопричастности является в таком случае также основой всех других базирующихся на нем форм интерсубъективности. Посредством легитимирующего — санкционирующего — *признания* взаимоотношения сопричастности обобщенного значения и субъективно-ситуативного смысла обобщенные значения впервые обретают некоторый субъективно-ситуативный смысл, а этот последний впервые получает возможность сформулировать себя обобщенно, т.е. в общеобязательных и общепризнанных значениях. Признается при этом то, что «я», такой, каким я именно теперь себя воспринимаю, как раз в том, что я желаю, чувствую, ощущаю, в чем я испытываю потребность, — являюсь частью некоторой всеобщности, однако при этом не растворяюсь и не исчезаю в ней, а напротив, могу ее — как всеобщность — также расширять и во всяком случае изменять, включая в нее себя, равно как и я сам — как некто, который сейчас испытывает именно это желание, чувство, ощущение, именно эту потребность — подвергаюсь изменению посредством этой всеобщности.

IV.

Это — конституирующее интерсубъективность — взаимоотношение сопричастности между ситуативно уникальным субъективным смыслом и обобщим значимым для всех — значением может теперь быть представлено в целом ряде аспектов:

Во-первых, оно означает, что обобщенные значения могут раскрыть для индивида в его сиюминутной ситуации — в его Здесь и Теперь — некоторый смысл, что по крайней мере они включены в такое ситуативно-субъективное смысловое измерение. Они причастны такому возможному ситуативно-субъективному смыслу, рассчитаны на такой «смысл». Самое всеобщее, для всех значимое, может быть небезразличным ко мне, такому, каков я есть здесь и теперь, оно имеет валентности, ориентированные на субъективно-ситуативное установление отношения.

Во-вторых, в нем выражается то обстоятельство, что ситуативная уникальность моего Здесь и Теперь (то, что я в настоящий момент волю, желаю, ощущаю, чувствую, вожделею), моя устремленность к чему-либо может быть схвачена посредством обобщимых значений и тем самым является опосредуемой и поддающейся передаче. Моя ситуативная уникальность (заостренная как мое актуальное «желание») позволяет включить себя в измерение обобщимых, опосредованных значений и тем самым является причастной к их всеобщей «значимости».

В-третьих, взаимоотношение сопричастности говорит также о том, что хотя смысл и значение в

аспекте своих измерений всегда соотнесены друг с другом, все же они никогда полностью, но всегда лишь отчасти растворяются друг в друге. Всегда лишь некоторая часть обобщенных значений является для меня в настоящий момент — в оттененной форме — наполненной смыслом, имеет для меня характер требования, и наоборот, всегда лишь часть того, что я желаю, к чему стремлюсь, уже включена в обобщенные значения. Во всяком случае в них не может быть одновременно включено все содержание этой сферы. Однако конституция сопричастности избавляет меня от такой претензии на тотальность. Речь идет о динамическом отношении, в котором смысл и значение могут взаимно все больше наполнять друг друга, а могут в той или иной мере изымать себя друг из друга и опустошать друг друга, — т. е. речь идет об отношении «больше» или «меньше».

В-четвертых, я разделяю обобщенные значения с другими людьми, не я один, но и другие наполняют эти значения субъективно-ситуативным смыслом, не только я, но и другие расширяют и изменяют их либо через практику претворяют в действительность. И поскольку то изменение, которое я [могу] в них произвести, и то претворение в действительность, к которому я продвигаюсь, вникая в их послание и в характер их призыва, всегда представляют собой лишь ограниченную долю в совокупном процессе изменения и претворения в действительность, которому они подчинены. Но тем самым я в то же время *избавлен* от обязанности — или хотя бы даже только возможности — *все это делать самому*. Таким образом, я всегда есть лишь часть некоторого общественного целого, которое предстает передо мной как (оттененная) расчлененная и дифференцированная структура «объективных данностей», но вместе с тем также всегда есть результат и продукт деятельности многих — в том числе и моей собственной деятельности. Так, в качестве части, я постоянноучаствую в производстве общественного целого, но вместе с тем, как его часть, всегда остаюсь подчиненным ему.

В-пятых, я постоянно обобщаю уникальные содержания чужого субъективно-ситуативного смысла [*fremde situative Einzigartigkeiten*] (а также моего собственного в прошлом), равно как и уникальные содержания моего субъективно-ситуативного смысла постоянно подвергаются обобщению со стороны других. Я — в моей ситуативной уникальности — есть часть того, что для других выступает как обобщенный мир значений, так же как и другие представляют собой для меня часть моего обобщенного мира значений. Но вместе с тем нечто во мне оказывает этому обобщению также и противодействие, равно как и нечто в других противопоставляет моему обобщению упорное, глухое сопротивление — сопротивление случайности [*Widerstand der Kontingenzen*]. Эту диалектику для-меня-бытия и бытия-для-других наиболее отчетливо, опираясь на Гегеля, разработал Сартр (Sartre, 1943).

Если же интерсубъективная сопричастность принципиально не признается, а, напротив того, отрицается, то это относится, естественно, также к каждому из пяти приведенных здесь моментов.

V.

Я ввел сейчас одно весьма необычное для психиатра понятие: а именно, понятие легитимирующего, санкционирующего *признания*. Лишь у Эмриха (1990, 104) можно найти указание на это понятие: речь идет о вопросе, «какие конститутивные моменты имеют решающее значение для того, чтобы первая система *признала* какой-либо объект имеющим значение в смысле доверительного отношения к нему» (курсив автора). Мой же тезис гласит, что *акт, конституирующий восприимчивую сопричастность — как априорный перфект интерсубъективности, — на своем элементарном уровне есть акт признания*. Я не утверждаю ничего иного. Признать — это значит объявить нечто данное законным, ввести его как законное в силу и сохранять его в силе. Могут — и необходимо должны — получать признание договоры, принципы государственного устройства, государства, династии, правительства, правила наследования и т. д. В этом смысле понятие, о котором идет речь, в какой-то мере совпадает с понятием «конституирования» [«Konstitution»]. Учредительное собрание конституирует себя, признает само себя в качестве учредительного, принцип государства [Verfassung] сам есть конституция [Konstitution], введенное в силу и сохраняемое в силе публично-правовое основное правило совместной жизни в обществе. Однако нечто остается признанным лишь до тех пор, пока те, кто имеют что-либо сказать по его поводу, в эксплицитно или имплицитно осуществляемых актах признания сохраняют,держивают признание в силе. Свойство «быть признанным» поэтому более мимолетно, чем определенность цвета, материальных качеств, форм и структур, оно также более мимолетно, чем специфические особенности черт характера, способностей и навыков отдельных лиц и т.д. В любой момент признание может быть отменено, и тут же оно может быть опять восстановлено, тогда как для возникновения и утраты определенных свойств характера, навыков, способностей (равно как и для возникновения прочих продуктов и результатов некоторых процессов) требуются совершенно иные временные рамки. Актам признания соответствуют, далее, акты *непризнания*. Я называю акт непризнания «деституированием» [«Destituation】. Это имеет что-то общее со смещением, низложением: как, например, смешают правительство или свергают властителя, а именно — посредством лишения его легитимности, на которую оно (или он) претендует. Мой тезис состоит в том, что взаимно восприимчивое отношение сопричастности субъективно-ситуативного смысла и обобщимого значения требует именно такого рода легитимации и признания — именно потому, что оно не может быть обосновано ничем другим, что лежало бы перед ним, за ним либо глубже него. Ничто, кроме признания, не может помочь ему обрести «экзистенцию». Признать означает здесь: предоставить ему свободу *самостоятельного бытия*, в том виде, в каком оно есть именно здесь и теперь. Тем самым акты признания взаимоотношения сопричастности субъективно-ситуативного смысла и обобщимого значения могут быть, в свою очередь, определены как акты

«пассивного синтеза», как акты невмешательства [des Lassens]. Они «продуцируют» это взаимоотношение сопричастности как первую, основополагающую «естественную самоочевидность» человеческой экзистенции. — С другой стороны, «естественная» самоочевидность этого взаимоотношения сопричастности может, во всяком случае, делегитимирующем образом «деституироваться», подвергаться *акту непризнания* в том, что касается ее значимости и легитимации. Возможно, было бы полезно всерьез отнести и к буквальному значению выражения «не признавать»: а именно — в каком-нибудь артикулированном на значения объекте объявить всякое относящееся к нему значение недействительным для (всех) субъектов и затем задаться вопросом, как же тогда мог бы «выглядеть» этот объект.

Акты такого рода, т. е. акты, реализующиеся на уровне «признание — непризнание», «введение в действие — отстранение», или, как я их называю, конститутивные и деститутивные акты не имеют однако, такого результата, который длился бы дольше, чем само осуществление этих актов, и который становился бы независимым от этого осуществления. Напротив, их «результат» привязан к самому их осуществлению. Не удерживаемое в силе, т. е. не осуществляемое в качестве акта признание есть уже в себе самом непризнание, деституирование: равно как и в непризнании, которое не поддерживается в силе, уже просвечивают первые зачатки повторного признания. Та страсть, с которой ведутся, например, династические войны, когда порой случается так, что новому властителю, чтобы более не оставалось претендентов, приходится убивать всех сыновей своего поверженного предшественника, возможно, иллюстрирует сказанное: между признанием и непризнанием не дано чего-то третьего, нейтрального, здесь есть лишь Да или Нет. Правительство или монарх не могут быть чуть-чуть облечены властью, а чуть-чуть — смешены, конституция или договор не могут быть наполовину действительными, а наполовину — недействительными. Отношение между обеими сторонами есть, таким образом, отношение взаимного погашения, погашения и исключения. Как признание, так и непризнание либо целиком и полностью даны, либо столь же радикально отсутствуют. Но это означает также, что в последнем случае именно целиком и полностью включается в дело противоположность отсутствующей стороны. Признание и непризнание имеют, таким образом, синхронный [по отношению к своему результату] и актуальный характер, в каждый момент они должны осуществляться и удерживаться в силе целиком и полностью. Признание (легитимация) сопричастности не может быть поэтому законсервировано, не может держаться про запас, оно «обладает экзистенцией» [«existiert»] лишь в актуальном осуществлении. С другой стороны, вполне мыслимо, что некоторые интенциональные акты сопровождаются таким актом признания сопричастной интерсубъективности, а другие, напротив, — актом ее непризнания. Но по крайней мере одно из двух имеет место всегда.

Необходимо строго отличать такие акты признания и непризнания, конституции и деституции от актов конструкции и деструкции. Последние имеют предметные результаты, которые становятся независимыми от осуществления данных актов и могут обладать большей длительностью, чем само это осуществление. Под такими ставшими относительно независимыми результатами я имею в виду предметные результаты как природных процессов, так и человеческой деятельности, а также психические структуры и способности, формы сознания и мышления, которые возникли в результате филогенетических и, затем, общественно-исторических процессов и которые в онтогенетическом развитии индивидуальным образом должны порождаться заново в качестве материальной основы или как результат процессов обучения. Конструктивные процессы, которые в такой форме порождают свои результаты, имеют диахронический характер. Они имеют историческую и диалектическую природу, т. е. всякий раз исходят из уже достигнутых ими результатов и основываются на них — а также, естественно, и на содержащихся в этих результатах противоречиях. Лишь с результатами конструктивных процессов могут быть осмысленно соотнесены дефектологические концепции, интерпретирующие бред как деструкцию психофизических основ разума. Как бы ни отличались конструктивные и деструктивные процессы от процессов признания и непризнания, конституции и деституции, все же эти последние всегда имеют некоторое отношение к первым. Конституция и деституция всегда уже предполагают наличие конструкций, конструкции являются необходимым объектом процессов признания и непризнания, как бы их материальной и структурной основой. Без них не было бы ничего, что могло бы признаваться или не признаваться, приниматься или отвергаться в своей значимости. Можно это выразить и так, что лишь акты признания укореняют в моей голове объективируемую действительность в качестве значимой и для меня действительности моего сознания, а также наоборот — лишь они впервые привязывают последнюю к первой.

В нашем рассуждении речь идет о признании и непризнании форм сознания и отношения, а именно — о признании и непризнании взаимоотношения сопричастности как связи измерений субъективно-ситуативного смысла и обобщимого значения. Признание имеет *актуально-синтетическую* форму — в качестве утвердительной связи, — а непризнание — форму *актуально-диалитическую* — разлагающую связь, отрицательную. Сказанное означает лишь то, что на этом уровне связь и разрушение связи не являются независимыми, превышающими по длительности акт своего установления — т. е. однажды продуцированными, а затем самостоятельно продолжающимися — состояниями, они не есть окончательные или хотя бы долгосрочные связанность и бессвязность, а напротив того, представляют собою, скорее, то или иное актуальное, соотнесенное с актом осуществления состояние взаимно подавляющего и взаимно исключающего соотношения конституции и деституции: один из этих двух моментов всегда оказывается господствующим. Этим, возможно, объяс-

няется также их неустойчивость и их порой весьма резкая перемена во многих картинах болезни.

VI.

«Смысл» можно было бы огрубленно определить как ось соотнесенной с субъектом ориентации в мире обобщимых значений, как Архимедову точку, которая как бы со стороны цели делает поддающимися определению *исходную позицию и точку зрения* субъектов и те пути, которые им надлежит пройти. Если, как в случае бреда, признание взаимоотношения сопричастности субъективно-ситуативного смысла и обобщимого значения отсутствует, то субъективно-ситуативный смысл утрачивает всякую взаимосвязь с обобщимым значением. Но тем самым обобщимые значения не только лишились бы смысла. Посредством обусловленного непризнанием отключения *измерения* смысловой нагруженности [*Sinnträchtigkeit*] они помимо этого приобретали бы характер *аннулирования смысла как такового*. Аналогично с этим субъективно-ситуативный смысл в свою очередь переживался бы не просто как уже не поддающийся выражению в общих понятиях, а приобретал бы сверх того характер *обеззначивания всякой облеченностии значением* [*Entdeutung jeglicher Bedeutungshaftigkeit*]: «смысл» состоял бы прямо-таки в том (и ни в чем ином), чтобы аннулировать значения в аспекте их общеобязательности и общезначимости, т. е. аннулировать именно *характер облеченностии значением* [*Bedeutingshaftigkeit*] и *понятность как измерение*. «Смысл», таким образом, принципиально «конституировался» бы как не поддающийся «общему» пониманию и лишающий значения, а понятность и коммуникабельность со своей стороны принципиально «конституировались» бы как погашающие смысл. Радикально заостряя, можно было бы сказать, что всякий акт понимания «продуцировал» бы лишь аннулирование смысла понятого, а всякий акт субъективной актуализации смысла — лишь обеззначивание и непонятность носителей значения собственной чреватости смыслом. В случае бреда *смысл* тем самым был бы определен как *обеззначивание*, а *понимание* — как *аннулирование смысла*. В соответствии с этим можно было бы говорить о том, что функция смысловых актов приобретает диалитический характер в отношении значений, равно как и функция актов [придания] значения — диалитический характер по отношению к смыслу. Таким образом, в случае отсутствия признающей конституции взаимоотношения сопричастности между субъективно-ситуативным смыслом и обобщимым значением, попытки извлечь из обобщимых значений некоторый субъективно-ситуативный смысл, равно как и попытки обобщить субъективно-ситуативный смысл посредством значений в конечном счете аннулировали бы сами себя. Это зачеркивание собственного намерения обобщить субъективно-ситуативный смысл и, соответственно, соотнести обобщимые значения с субъективно-ситуативным смыслом есть, однако, вместе с тем и самозачеркивание интенционального субъекта. В познавательной сфере это было бы перечеркива-

нием предшествующего, априорно-совершенного субъектно-объектного отношения когнитивных актов. Оно, это субъектно-объектное отношение когнитивных актов, утратило бы свою значимость, свою «естественную самоочевидность». Поэтому можно было бы берингеровскую ломку интенциональной дуги истолковать также и как ломку герменевтического круга. Все это выступает как причина того, что из интенции всегда может «получаться» лишь нечто радикально и принципиально иное и постольку — абсолютная противоположность намеченного, в том смысле, что то, что из нее получается, с самого начала опровергает интенцию и, более того, не является ничем иным, кроме как самим этим опровержением. Однако и это нельзя сформулировать в качестве «достоверного» результата, на который можно было бы опираться: как только человек пытается освоиться с этой «противоречивостью», она, в свою очередь, тут же обращается в свою собственную противоположность etc., etc. В сфере познания именно само соотношение ноэзиса и ноэмы превращается в таком случае из взаимоотношения сопричастности в — аннулирующее — соотношение противоположности. Выражаясьfigурально, здесь сознание «конституирует» себя как «сингулярность», из которой ни для других, ни для самого субъекта уже не может «получаться» ничего значимого (Hawking, 1988).

Итак, бред, по моему мнению, состоит именно в том, что являющиеся объектами интенционального акта [intendierte] обобщенные значения воспринимаются как бессмыслица, а точнее — как антисмысл, т. е. как совлечение смысла и аннулирование его, а субъективно-сituативный смысл самой интенции, как акта, напротив — как не-, анти или сверхразум, но во всяком случае — как отмена разума — коль скоро разум есть не что иное, как обобщимость и сообщимость соотнесенного со смыслом значения в форме причастности. Так как бытие-субъектом состоит именно в том, чтобы конституировать ситуативно уникальный «личностный» смысл как сообщимый и обобщимый через приобщение, а, соответственно, сообщенные и обобщенные значения — как (оттененно) наполненные субъективно-сituативным смыслом, то бред, реализующий как раз противоположное тому, есть не что иное, как самозачеркивание субъекта в его интенциональных актах, в самой его интенциональности, и вместе с тем также — самозачеркивание intersubъективного разума. Но в то же время он есть также — подобно самоубийству — последняя попытка самореализации субъекта. Я также тем самым, правда, радикально и без остатка определил бытие-субъектом как акт осуществления человеческого сознания, а точнее — как акт признания или непризнания взаимно восприимчивого взаимоотношения сопричастности субъективно-сituативного смысла и обобщенного значения, и таким образом — в качестве предельного случая — снял с него всякую видимость предметности, имеющей характер результата. Или точнее: продуцируемая в субъективных актах субъективность [Subjekthaftigkeit] как результат имеет граничащий с нулем период полураспада [Halbwertszeit] и поэтому в противоположность более солидным, прочным результатам когнитивных актов производит впечатление

всего лишь явления, если даже не видимости: когда хочешь ее ухватить, «объективно» определить, она уже улетучивается. И все же именно эта видимость впервые делает вообще возможными в сознании, в голове взаимосвязь, сообщимость, а также «устойчивость» переживаемой в опыте действительности. И постольку это есть необходимая видимость, а в трансцендентально-философском смысле — необходимая — ибо впервые делающая возможным соотнесенный со смыслом опыт о мире и о самом себе — фикция. Поэтому совершенно прав Эмрих, называя шизофреническое мышление «дезиллюзионирующим» (1990) — ибо оно разоблачает эту необходимую видимость, эту необходимую фикцию.

VII.

Теперь следовало бы поставить вопрос, почему конституирование взаимоотношения сопричастности субъективно-сituативного смысла и обобщенного значения имеет для человеческого сознания настолько решающее значение, что его непризнание воспринимается как «бред». Это есть вместе с тем вопрос об обобщимом смысле самого такого взаимоотношения сопричастности: Почему оно необходимо должно поддерживаться во всех интенциональных актах установления отношения? Зачем нужны нам разум, соотнесенный со смыслом, и соотнесенность смысла с разумом, что это нам вообще дает? На этот вопрос уже нельзя ответить с помощью феноменологического метода эпохи, которому я следовал до сих пор. Зато ответ на него — хотя и не до конца удовлетворительный — содержится в «Основах психологии» Клауса Хольцкампа (1983): Обобщимость значений становится необходимой именно тогда, когда жизнеобеспечение осуществляется уже преимущественно не посредством индивидуальных действий, а кооперативно. И характер опосредованности обобщенные значения приобретают благодаря тому, что самое позднее с наступлением эпохи неолита жизнеобеспечение осуществляется главным образом уже не в форме лишь непосредственной коопeração, а будучи опосредованным всем обществом в целом. Одновременно с этим из необходимости в различных действиях вырастают различные возможности действий. Опосредованная всем обществом в целом форма жизнеобеспечения требует, таким образом, конструирования — а также конституирования — некоторой опосредованной всеобщности как формы сознания. Лишь к этой последней относятся также модальности «невозможно/возможно/действительно/случайно/необходимо». Первое, конструирование когнитивных условий для того, что Хольцкамп называет обобщенной пригодностью, связью цели и средства и отношением возможности, есть исторический процесс, протекавший десятки — если не сотни — тысяч лет: сначала с преобладанием филогенетического процесса отбора, а позднее — при доминировании общественно-исторического развития. Он идет параллельно с развитием так называемого «спектра потребности — данности» (Holzkamp, 1983) на полюсе субъекта. Однако в обоих случаях

здесь идет речь о диахронических процессах с предметными результатами — и «субъект», рассматриваемый со стороны своих потребностей и своих данностей, также понимается у Хольцкампа предметным образом: как конструкт, как исторически сформировавшийся, способный быть законсервированным результат; и в этом — делающем возможными субъективные акты — аспекте он действительно имеет также и предметную сторону, имеющую характер результата. — Однако *конституирование*, введение в силу и сохранение в силе этих конструктов в их функционировании — т. е. их признание и санкционирование — должно, по моему убеждению, каждый момент происходить заново; а именно — через бытие-субъектом как акт. По содержанию этот акт можно определить как предоставляемый свободу бытия, впервые продуцирующий пассивность как «страдательность» акт признания и легитимации причастности субъекта к некоторой опосредованной всеобщности. Нередуцируемая субъективность субъекта состоит, таким образом, исключительно в акте, в котором он конституирует — или деституирует — самого себя в отношении некоторой опосредованной всеобщности в качестве пребывающе-соучаствующего [teilhaft-teilhaftiges]. При этом речь идет о синхронических, актуально-синтетических либо актуально-диалитических процессах, которые «сintéзируют» либо «подвергают диализу» пассивность как страдательность. В этом смысле бред был бы попыткой *актуально* отменить и тем самым деституировать психические основы опосредованных всем обществом в целом процессов жизнеобеспечения: причем так, что бытие-субъектом как акт при этом постоянно с самого начала само аннулирует себя во всех своих интенциональных актах установления отношения — посредством про-луцируемого в результате этих актов антагонизма смысла и значения. При этом, однако, опять-таки следует подчеркнуть, что приобретение этой двойкой способности: к самоконституированию и к «деституирующему» самозачеркиванию субъектов — в свою очередь может быть объяснено лишь естественно- и общественноисторически, т. е., по моему мнению, — лишь историко-материалистически. Отсюда вытекает, что бытие-субъектом как акт остается реализуемым лишь до тех пор, пока существуют его исторически сформировавшиеся материальные предпосылки.

VIII.

Следующий этап анализа, который уже выходит за пределы задач данной статьи, должен был бы теперь состоять в том, чтобы проследить, каким образом субъект, получивший опыт бреда на некотором определенном, вначале по большей части достаточно сложном уровне развития когнитивных актов, пробует на этот раз спасти свою дееспособность — и тем самым свою экзистенцию в качестве субъекта — с помощью того, что пытается реконституировать взаимно восприимчивое отношение сопричастности между субъективно-ситуативным смыслом и обобщенным значением на некотором менее сложном уровне значений. В психоанализе этот процесс — который может быть инициирован

не только угрозой бреда, но и совершенно иными мотивами — называется регрессией. В соответствии же с приведенными рассуждениями его вернее было бы назвать «*вертикальной транспортировкой смысла вниз*» — ибо тогда становится ясно, что вначале речь как раз не идет о каком-либо когнитивном дефиците, о разрушении способностей к комплексному восприятию значений, а, скорее, о том, что неспособность заполнить субъективно-ситуативным смыслом именно этот *сложный* уровень значений принуждает к попытке возврата на ближайший более низкий структурный уровень значений. Если принять во внимание также и это измерение вертикальной транспортировки смысла, то можно было бы в конечном счете наметить своего рода карту — систему координат, в которой могли бы найти свое место все формы проявления бреда.

Эта система координат имела бы свое материально-историческое измерение в родовом и общественноисторическом, а также в индивидуально-историческом, онтогенетическом развитии психических способностей, в их последовательно организованном, как бы «*расслоенном*» структурном уровне. Однако она имела бы также субъектно-научное измерение, к которому относится *акт распределения* и, соответственно, актуального изъятия смысла на этих различных материально-исторических уровнях, акт, который, как мы видели, может быть определен как акт признания либо непризнания взаимоотношения сопричастности субъективно-ситуативного смысла и обобщенного значения.

Взаимное аннулирование смыслового измерения и измерения значения через непризнание интерсубъективности могло бы, таким образом, иметь место на любом структурном уровне психических актов, говоря языком психоанализа — как на уровне вторичных, так и на уровне первичных процессов, а в понятиях этнологии — как на уровне магически-мифологического мышления и восприятия, так и на уровне дискурсивно-дискриминаторных, целесообразно-рациональных процессов. «*Вертикальная транспортировка смысла вниз*» у многих больных служит причиной того, что взаимное аннулирование смыслового измерения и измерения значения охватывает один за другим все эти уровни, до тех пор пока оно в конечном счете не достигает самой элементарной ступени, а именно — ступени кинестетического ощущения, где «*продуцирует*» кататоническое переживание уничтожения (Wulff, 1960), что и можно было бы назвать «*Big Crunch** сознания (Hawking, 1988). У других больных шизофренический процесс останавливается на более высоком уровне психических способностей — скажем, на уровне мифологического или магического мышления и восприятия, а у третьих — взаимное аннулирование смысла и значения и тем самым непризнание интерсубъективности затрагивает лишь отдельные, поддающиеся тематическому ограничению психические акты, образуя своего рода «черные дыры» (Hawking, 1988). Чтобы от этих все же пока еще весьма абстрактных соображений добраться до рассмотр-

* Здесь: «глубоким кризисом» <англ.>.

рения проявлений бреда в их конкретности и полноте, следовало бы, наконец, заняться также реконструкцией «бредовых пломбировок» [«wahnhaften Plombierungen»] (Wulff, 1987), т. е. попыткой регрессивно восстановить интерсубъективность как раз в тех интенциональных актах, где она — отчасти [,] выборочно, фрагментарно — была подвергнута акту непризнания. Поскольку такие явления постоянно происходят в ситуациях бреда, дело нередко доходит до параллельного сочетания рациональности, мифа и магии, до инкорпорирования регрессивных магически-мифологических фрагментов в некоторую рационально функционирующую систему — или же наоборот, — что в таком случае производит на внешнего наблюдателя впечатление тяжелого умопомешательства.

Процесс, лежащий в основе подобного рода динамики, есть, однако, не что иное, как непризнание интерсубъективности, которое ведет к взаимному анилированию субъективно-ситуативного смысла и обобщенного значения. Гениальность Блейлера (1911) состояла, между прочим, в том, что он интуитивно уловил этот фундаментальный процесс расщепления, дав ему название «шизофрения».

ЛИТЕРАТУРА

- Beringer K.: Beiträge zur Analyse schizophrener Denkstörungen. In: Z. Neurol., 1924, 93: 55—61
 Binswanger L.: Schizophrenie. Pfullingen, 1957
 Blankenburg W.: Der Verlust der natürlichen Selbstverständlichkeit. Stuttgart, 1971

- Bleuler E.: Dementia praecox oder die Gruppe der Schizophrenen. Leipzig und Wien, 1911
 Emrich H. M.: Psychiatrische Anthropologie. München, 1990
 Fischer H. R.: Sprache und Lebensform. Wittgenstein über Freud und die Geisteskrankheit. Frankfurt/M., 1987
 Freud S.: Über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia. In: GW VIII, 1913/1973, 239—320
 Hawking S.: A brief history of time. New York, 1988
 Heidegger M.: Sein und Zeit. Halle, 1927
 Holzkamp K.: Grundlegung der Psychologie. Frankfurt/M., 1983
 Huber G. In: Held T. (Hrsg.): Deutsch-französische Psychiaterbegegnung. Simposion, 25./26.6. 1982, Köln, 1986
 Husserl E.: Erfahrung und Urteil. Hrsg. v. L. Landgrebe. Hamburg, 1948
 Lacan J.: Ecrits. Paris, 1967
 Leontjew A. N.: Probleme der Entwicklung des Psychischen. Frankfurt/M., 1973
 Sartre J. P.: L'etre et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris, 1943, 310
 Tress W.: Sprache, Person, Krankheit. West-Berlin, Heidelberg, New York, 1986
 Tugendhat E.: Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung. Sprachanalytische Interpretationen. Frankfurt/M., 1979
 Wulff E.: Ausdrucksphänomenologische Interpretation einer katatonen Krise. Diss. Freiburg i. Br., 1960
 Wulff E. In: Psychiatr. Praxis, 1987, 14, 14—22
 Wulff E. In: Jahrb. f. Psychopath. u. Psychother., 1989, IX, 114—138
 Wulff E. In: Forum kritische Psychologie. Berlin, 1992
 Wulff E.: Bemerkungen zur wechselseitigen Reproduktion von Bewusstem und Unbewusstem, 1992
 Wulff E.: 11 Thesen zur Allwissenheit. Vortag zur Tagung der DGPN in Köln am 29.9.1992.

Перевел Андрей Кричевский

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЛАНХОЛИИ

Хуберт Кус,

(Психиатрическая клиника Мюнстерского университета, директор профессор д-р Р. Тёлле)

Феноменологически-антропологические подходы к пониманию сущности меланхолии/или эндогенной депрессии/касались преимущественно **изменения переживания времени**. Minkowski (1923) первым, насколько нам известно, указал на то, что меланхолические больные чувствуют себя отрезанными от своего будущего. Их бытие полностью теряет «измерение неотвратимого поступательного движения и развития». Straus (1928) также выделил как нечто типичное для эндогенной депрессии «замедление, застывание и, наконец, полная остановка развития внутреннего времени». Straus выводит депрессивное изменение настроения, бредообразование и навязчивые мысли из описанного им нарушения переживания времени: так как депрессивному больному будущее недоступно, он чувствует, как прошлое все больше и больше подчиняет его себе и определяет его поведение. Непреодолимость прошлого создает предпосылки для возникновения бреда с идеями виновности и депрессивных навязчивых мыслей. По Straus нарушение переживания времени сводится к депрессивному торможению, которое является гипостатическим основным (базальным) нарушением при меланхолии.

С феноменологической точки зрения изначальное нарушение временных отношений является основным признаком любого патологического страха. Lopez—Ibor (1960) пишет по этому поводу: «Возможности нормального страха витают в будущем..., при болезненном страхе наоборот, будущее приближается к настоящему.» По von Baue (1979) для патологического страха характерно то, что он «подобно некоему проклятию привязывает человека к прошлому, и, угрожая, мешает ему свободно устремиться в будущее».

Согласно описанному выше, страх при меланхолии, на наш взгляд, особенно годится для того, чтобы продемонстрировать невозможность двигаться в направлении будущего: von Gebsattel (1928) подробно описывает страх одной меланхолической больной. Она не просто ощущает свой «застой», но и страдает от него, «торможение личностного стремления к становлению» становится мукою. Все мысли и действия говорят теперь не о развитии личности, не о росте и самореализации, а об ожидаемом с ужасом приближении смерти. Постоянный страх больного — по von Gebsattel — это, собственно, страх смерти. Minkowski в своем труде «Переживаемое время» (1933) высказывает сход-

ные идеи, что «чувство отстранения нашей собственной жизни от процесса становления вокруг нас» связано «с чувством бессилия и страха».

Соображения Binswanger (1960) по поводу меланхолического страха также связаны с «изменением в меланхолическом сознании характеристик текущести, активности и длительности», т. е. страх при меланхолии выводится из фундаментальных нарушений переживания времени. Утрата адекватности ранее вполне адекватными временными структурами является для Binswanger только одной из возможностей продемонстрировать, что при меланхолии ставятся под вопрос основные исходные предпосылки человеческого бытия и переживания: «При меланхолии мы наблюдаем оторванность от конститутивных условий естественного опыта вообще».

Наше собственное психопатологическое исследование переживаний страха меланхолическими и невротическими больными (Kuhs, 1990) дает возможность произвести эмпирическую проверку некоторых из вышеперечисленных мнений относительно антропологической структуры меланхолии.

Важнейшие вопросы здесь следующие:

1. Как часто нарушения переживания времени непосредственно ощущались больными?
2. Как отражаются нарушения переживания времени в самоописаниях пациентов, касающихся их страхов?
3. Можно ли обосновать в психопатологической сфере «оторванность от конститутивных условий естественного опыта» и суметь ограничить меланхолические /психотические/ и невротические/не-психотические/депрессивные состояния.

В нашу выборку было включено 253 пациента последовательно поступавших к нам в клинику, среди них 160 меланхолических и 93 невротически-депрессивных больных/критерии диагноза по МКБ, 9-й пересмотр/. Чувство страха исследовалось при помощи полуструктурированного клинического интервью в начале стационарного лечения.

1. Спонтанные высказывания пациентов о нарушении переживания времени.

Среди меланхолических пациентов 8 (5%) спонтанно говорили об изменении переживания времени.

Примеры:

«Одинокий, я попросту выключен из времени. Я не знаю, что мне следует делать.. теперь я больше не могу заполнить свое время. Когда я здоров, я совершаю свободный выбор в том, что касается моего времени, теперь же все иначе.»

«... все теперь застыло в неподвижности, дальше ничего не движется... У меня такое ощущение, как будто жизнь вокруг меня идет дальше, только у меня ничего не продвигается.»

Отдельные меланхолические пациенты, не говоря отчетливо об изменениях в переживании времени, тем не менее дают понять, что для них больше нет никакого будущего, никакого движения вперед:

«Все движется не вперед, а назад, вот в чем дело.»
«Моя жизнь как-то совсем не движется вперед.»

«Для меня больше не существует будущего.»

Что касается невротически-депрессивных пациентов, то они даже в виде исключения не рассказывают спонтанно о каких бы то ни было изменениях в переживании времени.

На основании самоописаний Kloos (1938) смог установить нарушения переживания времени только у трех из многих сотен пациентов. Как ни важны феноменологические исследования, касающиеся изменения переживания времени, все же очень трудно установить наличие таких отклонений у отдельного пациента. Von Gebsattel (1939) тоже указывает на то, что большинство больных переживает «изменения течения времени» неосознанно. Большинство витально скованных меланхолических больных не в состоянии уловить «основное нарушение становления во времени», скорее о нем можно сделать заключение из бесконечных жалоб пациентов на их бессилие что-либо сделать.

Если мы более отчетливо уясним себе жалобы пациентов в целом, то в самой середине будет находиться переживание собственной неполноценности, страх, что не можешь двигаться дальше, страх отстать от потока времени. Замедления «времени Я», имманентного переживанию (Straus 1928) по сравнению с постоянно двигающимся вперед «временем мира», трансцендентным переживанию, воспринимается особенно мучительно. При непсихотических депрессивных состояниях указания на изменения переживания времени почти полностью отсутствуют.

2. Как отражается изменение протекания временных процессов в самоописаниях пациентов?

Нарушения восприятия времени можно обнаружить в многочисленных жалобах пациентов по поводу их страхов, но особенно наглядно они проявляются в некоторых темах тревожности.

В первую очередь сюда относится **страх вины**. Меланхолические и невротически-депрессивные пациенты, оглядываясь назад, могут в большинстве случаев конкретно описать содержание поступков, переживаемых ими с чувством вины. При этом приблизительно треть больных со страхом вины не дает никакого ясного отчета о том, каковы могут быть последствия их вины в будущем. В страхе, что они не смогут вынести груза своей вины, они приходят к отчетливому ощущению, что для виновного будущее закрыто. Страх, что не удастся искупить свою вину, как и отсутствие представления о том, чего они, собственно боятся, встречается при страхе вины с одинаковой частотой как у меланхолических, так и невротически-депрессивных пациентов.

Вина привязывает человека к прошлому. Будущее тем самым оказывается закрытым для него, т. е. виновный не может уже избавиться от чувства вины и рasti, развиваясь в своем становлении в направлении будущего. По словам Binswanger (1960) в меланхолических упреках самому себе свободная возможность устремляется назад. По нашим данным, невротически-депрессивные больные так же не в состоянии назвать то, в чем заключается их вина, как и меланхолические. Можно предположить, что недоступность будущего является фундаментальным антропологическим признаком чувства вины вообще.

Что будущее для них закрыто, мы наблюдаем особенно наглядно при страхе смерти. Мы сталкиваемся с этой тематикой довольно редко в сравниваемых нами группах пациентов, т. е. приблизительно в 10% случаев. Von Gebsattel (1954) в

качестве «исходного страха бытия» называет, наряду с грехом, смерть — как невозможность существования в мире. Этот основной коренной страх всячески ускользает от взора наблюдателя и скрывается за многочисленными масками и одеждами других страхов. Так что не следует удивляться, что страх смерти отчетливо выказывают только немногие больные.

В заключение, для наших дальнейших рассуждений мы хотели бы рассмотреть некоторые темы страхов, которые несомненно обращены в будущее. Страх, проявляющийся в привычном течении повседневной жизни, направлен на «здесь и сейчас», т. е. на непосредственно приближенное будущее.

Пример: «Страхи перед наступающим днем будят меня. Первая мысль такая: что со мною будет? Я боюсь, что я слишком поздно выйду к завтраку. Что я не сделаю всевозможных мелочей. Страхи сопровождают меня целый день. Как только прекращается один страх, сразу же приходит новый.»

Эти так называемые **повседневные страхи** — даже если принимать во внимание степень тяжести депрессии — встречаются намного чаще у меланхолических больных, чем у невротически-депрессивных (50,7 % против 26,2 % случаев). Другими словами: если возможно установить отличие психотических от непсихотических депрессивных состояний на основе критерия отношения к будущему, то оно в том, что страх при меланхолии намного чаще, чем при депрессивном неврозе направлен на нечто находящееся близко, то есть на ближайшее будущее. Очевидно, что многие меланхолические больные настолько сильно запуганы в рамках своего текущего существования, что взгляд в более отдаленное будущее от них совершенно заслонен.

Несмотря на эти выводы, данные исследования о переживании чувства страха при депрессивных заболеваниях в целом нельзя рассматривать как доказательство того, что течение процесса становления нарушено принципиально иным образом, чем при невротических заболеваниях. Также и von Gebsattel (1959) высказывает мысль, что «страх невозможности жить» как проявление застоя в становлении индивида встречается и помимо меланхолии также и при обычной печали, т. е. в рамках душевных состояний вне патологии. Таким образом, описания пациентами их страхов следует воспринимать — в полном соответствии с феноменологическими наблюдениями — как свидетельство в пользу этиологической неспецифичности нарушений временной структуры.

3. Можно ли подтвердить феномен «оторванности от конститутивных условий естественного опыта» Binswanger'a на основании психопатологических данных?

Следующие самоописания уже упоминавшихся нами повседневных страхов меланхолических больных могут наглядно показать, как неуверенность в сфере само собой разумеющихся действиях повседневной жизни может стать источником тревожности.

Примеры: «Когда я уже хочу подняться, появляется страх, что у меня это не получится. Пока я не решила причесаться, этот страх меня не оставлял». «Всегда, когда надо выполнить какие-то задания, я не знаю, что мне следует делать... тут могут лежать разные вещи и я не могу ничего одеть на мою дочь — ничего не могу больше делать... когда

ты моешься, как у тебя это получается? Я не знаю, сколько еды я должна дать моему ребенку. Я всегда думаю о том, как встают по утрам другие, как они делают то или это.»

Жалобы на страхи в сочетании с переживаниями нереальности и чуждости происходящего предъявлялись немногими больными, а точнее — не упуская из внимания степень тяжести депрессии — 16% меланхолических и только двумя невротически-депрессивными пациентами.

Примеры: «Все это так забавно... Мне приходится думать над такими странными вещами... Почему вообще существуют люди? Это так непонятно, что меня из-за этого охватывает страх. При этом я не могу начать что-либо делать»

«Когда я смотрю на себя в зеркало, я пугаюсь, ибо я ничего не могу с собой поделать.»

«Моя жена от меня так далека, я совершенно не могу к ней приблизиться. Я боюсь, что потеряю ее, я от нее так отдалился.»

Чувство пустоты — это самая сильная степень проявления меланхолического ощущения нереальности и чуждости происходящего. Это *«sentiment de vide* »*/Janet/имело место у меланхолических пациентов только в 6-ти случаях, у невротических же не встречалось вовсе. Примеры: «... это чувство, что у тебя нет ничего общего с окружающим, чувство, будто стоишь в пустом пространстве» «Во мне все мертвое. Изнутри меня ничего больше не исходит». «Это бездушное, напугает кого угодно. Душевное во мне умрло, там теперь пелена.»

Как видно по высказываниям цитированных выше пациентов, повседневные страхи и ощущение нереальности происходящего демонстрируют элементарную потерю фундаментальных отношений с жизненным миром. Но «меланхолический ущерб вообще» (Binswanger, 1960) выходит далеко за пределы простой утери адекватности временными структурами. Под вопрос здесь поставлены исходные условия человеческого бытия и переживания, которые с точки зрения здорового не подлежат сомнению.

Жалобы пациентов на их ощущения пустоты приводят к несомненным выводам, что на месте естественных отношений к собственной личности и миру не возникает ничего альтернативного, кроме — так сказать, без замен — просто ужаса, ничто. Меланхолик в своей болезни не творит ничего нового, он не может найти убежища и выхода в новой психотической реальности, но просто отстает от нормальной жизнедеятельности других. Следует заметить, что существование в пустоте, по von Gebsattel (1937) относится к характерной форме бытия меланхолических больных.

Только немногие люди воспринимают свое иное бытие, свое измененное бытие в образе пугающих ощущений нереальности и пустоты происходящего. Нарушение отношения к миру в целом, по Binswanger (1960), «оторванность от конститутивных условий естественного опыта» проявляются особенно часто в обращении с тысячью мелочей повседневности. Естественное чувство само собой разумеющегося при обращении с чем-то близким тебе теряется. Непосредственность переживания утрачивается в самых безоблачных и естественных сферах практической деятельности. Неустремленность становится для больного самое привычное, повседневное делается чуждым, угрожающим и в итоге

* — чувство пустоты. (прим. перев.)

— внушающим страх. В угрозе исходным условиям ориентации в жизненном мире проявляется основной признак психотической утраты чувства реальности при меланхолии.

ЛИТЕРАТУРА

- Baeyer von W. In: Wählen und Wahn. Stuttgart: Enke-Verlag, 1979
Binswanger L. Melancholie und Manie. Pfullingen: Neske-Verlag, 1960
Gebssattel von VE: Zeitbezogenes Zwangsdanken in der Melancholie. Nervenarzt, 1928, 1: 275—287
Gebssattel von VE: Zur Frage der Depersonalisation. Nervenarzt, 1937, 10: 169—178
Gebssattel von VE: In: Roggentau CH (Hrg.) Gegenwartsprobleme der psychiatrisch-neurologischen Forschung. Stuttgart: Enke-Verlag, 1939, 54—71
Gebssattel von VE. In: Prolegomena einer medizinischen Anthropologie, Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 1954, 378—389

Gebssattel von VE. In: Frankl V, Gebssattel von VE, Schultz JH (Hrgs.) Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie, Band II. München Berlin: Urban und Schwarzenberg-Verlag, 1959.

Kloos G: Störungen des Zeiterlebens in der endogenen Depression. Nervenarzt, 1938, 11: 225—244

Kuhs H.: Angst und Depression. Psychopathologische Untersuchungen des Angsterlebens melancholischer und neurotischer Kranker. Monographien aus dem Gesamtgebiete der Psychiatrie, Band 59. Berlin Heidelberg New York: Springer-Verlag, 1990

Lopez-Ibor J.: Fortschritte Psychiat Nervenheikunde, 1960, 28: 556—571

Minkowski E: Journal de Psychologie, 1923, 20: 543—558

Minkowski E: Die gelebte Zeit. Band II: Über den zeitlichen Aspekt psychopathologischer Phänomene. Neues Forum: Das Bild des Menschen in der Wissenschaft. Revers W. J., Gebser J. (Hrgs.), Band 13. Salzburg: O. Müller-Verlag, 1933

Straus E: Monatsschr Neurol Psychiatr, 1928, 68: 640—656

Перевел Александр Сосланд

Курс лекций: ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Каким образом обычно преподают психотерапию? Чаще всего излагается теория и метод в рамках одного какого-то направления, одной школы.

Мы предлагаем принципиально иной подход. Нами исследована и описана фундаментальная структура психотерапевтического знания, выделены основополагающие элементы психотерапевтической теории и техники. При такой постановке вопроса выясняется, что существует очень много неиспользованных возможностей как в плане конкретного оформления этих элементов общей структуры, так и в отношении различных вариантов их комбинирования. Курс ориентирован на **возможную** психотерапию, а не на существующие сегодня школы и техники.

Если Вы только начинаете свой путь в психотерапии, то, прослушав наш курс, Вы будете намного легче ориентироваться в тех методах и техниках, с которыми придется так или иначе сталкиваться, ибо Вам будет понятна их внутренняя структура, будет легче разобраться в их своеобразии, достоинствах и недостатках.

Если Вы не сегодня начали заниматься психотерапией и знаете обилие и пестроту различных школ, техник и т. д., то, прослушав наш курс, Вы совершенно ясно поймете, что вполне в состоянии создать психотерапевтический метод, адекватный Вашей личности, Вашим вкусам и наклонностям, а, главное, будете знать, как это сделать.

Особое внимание уделяется личности психотерапевта, способного создать свою школу.

Помимо всего прочего, в заключении приводятся разнообразные варианты возможных психотерапевтических школ вкупе с вымышленными биографиями их авторов.

План лекций:

1. Введение и обоснование проекта.
2. Личность психотерапевта, ее роль в истории психотерапии.
3. Структура психотерапевтической теории (1,5 лекции).
4. Структура психотерапевтической акции (1,5 лекции).
5. Отдельные проблемы психотерапевтического знания (психотерапевтический текст и пр.).
6. Примеры возможных школ.

Научный сотрудник кафедры психотерапии ЦИУВ,
член НПА **Александр Сосланд**

Заявки на курс принимаются по адресу:

125057 — Москва, Ленинградский пр-т, 75-а, кв. 58

тел: 157-77-14 — Александр Сосланд

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИЙ КОНТАГИЙ И ДУШЕВНЫЕ ЭПИДЕМИИ

В. Х. Кандинский

(Отрывки из монографии «Общепонятные психологические этюды», год 1881-й)

Болезни, поражающие сразу множество людей называются повальными или эпидемическими болезнями... Не одни только телесные болезни способны к эпидемическому распространению; болезни души, психические расстройства также нередко принимают эпидемический характер. История человечества, история общества представляет нам ряд длинный, можно даже сказать, — непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обусловливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея, сама по себе, может быть высокую или нелепую, чувство и стремление могут не выходить из границ физиологических, но могут быть также необычайными и аномальными, совершенно изменяющими прежний нравственный и умственный характер людей. К таким примерам морального и интеллектуального движения масс, порою принимающего форму резкого душевного расстройства, мы совершенно вправе приложить название «душевые эпидемии». Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная... Оспа и чума уносили прежде тысячи и десятки тысяч жертв и опустошали целые страны. Душевые эпидемии не менее губительны. Проходит время невольного душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, — и вернувшись к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять своих прошлых ошибок...

Бывают эпохи воинственного энтузиазма, когда сотни тысяч человеческих жизней приносятся в жертву из-за вопроса о ничтожном клочке земли или для удовлетворения честолюбия одной личности. Или люди, исповедующие религию мира и любви, из-за какого-нибудь религиозного несогласия, разделяются на враждебные партии, из которых каждая старается истреблять другую без сожаления и пощады. Бывают эпохи всеобщей деморализации, когда нравственное чувство по-видимому исчезает, прежние боги остаются за штатом и животный эгоизм человека единственную цель жизни видит в грубых чувственных наслаждениях. То возникает учение, не имеющее ничего общего со здравым смыслом, но тем не менее находящее миллионы фанатических приверженцев... Бывают времена, когда люди под влиянием внезапно пробудившейся лихорадочной жажды деятельности, оставляют родину и целыми массами идут отыскивать обетованную землю с ее реками, текущими медом и молоком...

Подобного рода факты только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когда движущая идея или чувство слишком нелепы,

слишком далеки от нормы, или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами... Заметим, что мы употребляем термин «душевное расстройство» вовсе не в том смысле, в каком обыкновенно употребляют выражение «сумасшествие». Всякое нарушение гармонии в душевной сфере, всякий случай непомерной деятельности одних сторон психической жизни в ущерб другим — может быть назван душевным расстройством. Поэтому-то — в действительности, ни для целого общества, ни для отдельного индивидуума, не существует резкой границы между нормальным и болезненным душевным состоянием. Мы надеемся показать, что корень душевых эпидемий заключается в самой психической организации человека...

Конечно, человек одарен и разумом, и волею. Но разум и воля не суть какие-либо особые и постоянные силы и сущности, а просто — известные формы душевой жизни. Психическая деятельность может совершаться и действительно совершается в значительной мере — вне этих форм... Огромный ряд движений и действий человека совершается не только без участия воли, но даже бессознательно. И при сознательных действиях воля в тесном смысле (т. е. размышление, сознательный выбор того или иного действия) очень часто вовсе не участвует. Так, человек, всецело порабощенный страстью, действует не только независимо от своей воли, но иногда даже наперекор ей.

Непроизвольные психические акты, как сознательные, так и бессознательные, дают нам ключ к пониманию явлений нервно-психической контагиозности... Неразумие, безумие могут быть не только единичными, но и коллективными, т. е. общими для целой массы людей.

Всякая идея заразительна и главным образом настолько, насколько она затрагивает чувство или носит в себе его элементы. Рассматривая нравственное состояние общества в данное время, мы замечаем, что известные чувства и идеи имеют широкое распространение, другие же нет. Говоря вообще, чувства мелочные и своекорыстные более склонны принимать эпидемическое распространение, чем чувства и идеи высокие, поэтому-то средний человек, конечно, более расположен к чувствованиям и понятиям эгоистическим, чем к высокой добести...

Заразительность идеи тем больше, чем более способна экзальтировать эта идея, чем более она возбуждает те чувства и страсти, к которым расположены массы в данное время. «Идея, говорит Дрэпер (Гражданское развитие Америки), может поэтому обладать высоким политическим значением. Чувство, выраженное в немногих словах, мо-

жет разрушить очень древние национальности, преобразовать племена людей и совершить переворот мира». «Есть что-то чудесное, говорит тот же автор, в этом распространении мысли от человека к человеку»...

«Видения Магомета изменили обыденную жизнь половины народов Азии и Африки. Догмат пророка привел в трепет души людей от Гвинейского залива до Китайского моря; три континента — Азия, Африка и Европа — были потрясены им до основания» (тоже слова Дрэпера).

Позже проповеди экзальтированного монаха Петра Пустынника подняли всю Европу для борьбы с неверными и двинули в Святую Землю многие сотни тысяч людей, которые нашли в этих походах свою гибель. «Кто мог бы вообразить, говорит Г. Спенсер (Изучение Социологии), что хищнические короли и разбойнические бароны с такими же вассалами, пройдут, поколение за поколением, по всей Европе, претерпевая всевозможные лишения и опасности и рискуя жизнью, с целью завоевать прославленную гробницу Того, Кто учил подставлять левую ланиту, когда ударят по правой!»

Ужасы первой французской революции, когда около 10 000 человек, замешанных или заподозренных в преступлениях против народа, было убито или казнено, — также представляют эпидемический характер. Общее число жертв наполеоновских войн простирается (по Спенсеру) до 2 000 000 человек, и все они погибли единственно из-за ненасытного честолюбия одного корсиканца, перед которым преклонялся весь мир и которого еще до сих пор называют великим. Воинственный энтузиазм может быть эпидемичным, равно как и поклонение успеху.

Итак, везде мы видим, что только идеи с аффективным характером, производя экзальтацию в масах и пробуждая страсти толпы, приобретают широкое эпидемическое распространение. Чистая, отвлеченная идея по существу своему мало заразительна, потому что, имея источником разум и чистое мышление, лишенная аффективного характера, — она не по плечу толпе. Будь заразительны такие идеи, — Царство Божие давно уже наступило бы на земле. ...Переходя к заразительности болезненных душевных проявлений, мы прежде всего должны сказать несколько слов о заразительности преступлений... После преступления, почему-либо обратившего на себя всеобщее внимание, почти всегда совершается несколько преступлений, похожих на первое часто до мельчайших подробностей, так что имитативное происхождение их ясно с первого взгляда... В обществе всегда найдется достаточно людей, предрасположенных к преступлению или находящихся в обстоятельствах, наводящих на мысль о нем. Без влияния душевного контагия эти люди может быть и не дошли бы до преступного деяния. Но вот до них достигает слух о совершенном уже при подобных обстоятельствах преступлении, доходит газетный очерк со всеми подробностями процесса. Это обстоятельство является последним толчком, благодаря которому преступный замысел, существовавший только в смутном, неопределенном проекте, становится делом решенным и наконец приводится в исполнение.

В XVII веке процесс известной Бренвилье, обвинившейся в целом ряде тайных убийств посредст-

вом яда, вызвал эпидемию отравлений, продолжавшуюся более десяти лет. В 1857 году в Нью-Йорке наделал много шума процесс одной женщины, убившей своего мужа; в продолжении того времени, когда в публике продолжали говорить об этом деле, три женщины убили своих мужей...

В ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1875 год, в корреспонденции из Лондона, нам встретился весьма замечательный случай имитативного убийства, где преступление навеяно художественным произведением, именно стихотворением Томаса Гуда — «Сон Евгения Арама». Содержание этого известного стихотворения основано на действительном факте. Евгений Арам, ремеслом учитель, за много лет перед тем совершивший убийство, рассказывает одному из своих учеников, под видом сна, о своем преступлении. Убийца бросает труп в пруд, но на другой день пруд мелеет и труп становится видимым. Арам уносит его в лес и зарывает в кучу сухих листьев, но ветер разносит листья и труп снова обнажается. Убийца в отчаянии, видя, что земля отказывается скрыть его преступление. — Некто Уэпрайт, семейный, довольно образованный человек, весьма талантливый декламатор, занимался публичными чтениями в Лондоне и в провинциальных городах. Любимым стихотворением в репертуаре Уэпрайта, которое он читал лучше всего, было — «Сон Евгения Арама». В сентябре 1875 года Уэпрайт был арестован на улице Лондона, когда он перевозил куда-то два большие тюка, издававшие сильное зловоние. По вскрытии тюков, в них оказалось разрезанное на части, полуистлевшее тело женщины. Это была любовница Уэпрайта, которую он, ровно за год перед тем убил, разрезал на части и зарыл в **погреб**; так как потом труп стал распространять сильное зловоние, то убийца хотел перенести остатки тела в другое место. Не удивительно, что Уэпрайт с громадным успехом читал «Сон Евгения Арама», особенно это место: «Увы! Хотя он был зарыт в **погреб** или засыпан камнями, и хотя бы время уничтожило его истлевшее тело, мир увидит его кости».

Особенно заразительно и наклонно принимать эпидемический характер самоубийство. У человека, в известном смысле предрасположенного к самоубийству, находящегося в трудных обстоятельствах, в тяжелом горе, или страдающего меланхолией, первая мысль о самоубийстве является обыкновенно, когда он услышит или прочтет в газетах о самоубийстве, совершенном под гнетом подобных же обстоятельств. Раз явились такая мысль, при благоприятных условиях она развивается все больше и больше, и, наконец, приводится в исполнение. Начиная с Эскироля, врачи постоянно указывали на опасность от мелкой прессы, распространяющей в массе подробные и картины описания различных преступлений и процессов. Не менее вредны литературные произведения, придающие самоубийцам ореол поэтичности и геройства. Madame Сталь не без основания говорила, что Гетеевский Вертер вызвал большее число самоубийств в Германии, чем весь прекрасный пол этой страны.

Бот уже несколько лет, как у нас в России самоубийства, крупные кражи и мошенничества стали совершаться замечательно часто... Люди, служащие в банках и банкирских конторах, по-видимому, играют весьма видную роль.

От времени до времени в истории человечества являются настоящие повальные болезни души — **душевные эпидемии** в тесном смысле. Большой частью эти эпидемии возникают на почве религиозного чувства. Это понятно почему. Нет другого чувства настолько общего всем людям, настолько всеобъемлющего и так способного охватить всю нравственную и умственную природу человека... С религией часто неразлучен бывает мистицизм. Рядом с верою в высшую непостижимую силу, как конечную причину всего существующего, силу, разумно управляющую вселенной, — идет вера в возможность общения человека со сверхъестественными, таинственными деятелями, т. е. мистицизм. Страсть к таинственному и чудесному, конечно, всего сильнее в пору младенчества науки, во времена невежества, но она очень еще сильна и в наш «просвещенный» век.

Независимо от форменных верований, религиозное чувство и мистические стремления вообще способны связаться со страстями весьма разнообразными и часто противоположными одна другой. В этом-то главным образом и заключается возможность религиозного движения масс. Совершенно верно выразился один методистский проповедник в разговоре с Диксоном: «религиозная страсть совмещает в себе все другие страсти, вы не можете возбудить ее, чтобы не возбуждать и остальных». Всякий знает, что нет ничего ужаснее фанатичной толпы... Мы приведем только некоторые наиболее резкие примеры, где неправильные и извращенные мистические стремления делались причиной различных болезненных состояний, начиная с фанатизма и крайней экзальтации и до полного экстаза с галлюцинациями или до состояния настоящего повального сумасшествия с самыми нелепыми ложными идеями.

Если горячее одушевление, охватившее народы Европы в эпоху крестовых походов, не выходит из границ экзальтации, так сказать, физиологической, — то **походы детей** должны быть отнесены к экзальтации патологической. Самый грандиозный пример этого рода, конечно, представляет религиозное движение в среде детей в 1212 году, возникшее одновременно во Франции и Германии, в обеих странах совершенно самостоятельно. В это время Святая Земля давно уже снова была под властью Сарацинов и вот между детьми зародилась идея похода в Палестину для освобождения Гроба Господня. Во Франции инициатива движения принадлежит мальчику пастуху из деревни Клуа, по имени Этьен, объявившему себя посланником Бога. Мысль о походе в Палестину быстро распространилась между детьми, которые, без различия звания и состояния их отцов, отовсюду шли на зов Этьена. Сыновья графов и баронов были увлечены движением одинаково с бургерскими и крестьянскими детьми. Явились 10—12-летние проповедники, которые пламенными речами и пророчествами воодушевили менее пылких. Все старания родных удержать детей от их невозможного предприятия не вели ни к чему; не помогали ни убеждения, ни наказания, ни запирания под замок. Те, которых удавалось удержать силу, заболевали непонятною болезнью, для излечения которой не было другого средства, как оставить больных действовать по их

усмотрению. В скором времени около Этьена собралось более 30 000 человек. Детское войско, с хоругвями и знаменами во главе, при пении религиозных гимнов, двинулись к Марсели. Юные крестоносцы были убеждены, что море расступится перед ними и что они пройдут в Палестину посуху. Но им не суждено было добраться до Иерусалима. Часть их погибла при переходе через море, оставшиеся были проданы марсельскими купцами в рабство Сарацинов...

Подобного же рода болезненное стремление к пилигримству овладело детьми многих местностей Германии в 1458 году. Из одного Галля в Швабии ушло более тысячи человек детей. Целью путешествия юных пилигримов была гора св. Михаила в Нормандии. Ни один из них не вернулся домой, все они пропали без вести...

В XIV столетии опустошение многих стран Европы черной смертью подало повод к возникновению эпидемий самобичевания и Виттовой пляски. Во времена великих народных бедствий всегда является идея обращения к Богу, стремление покаянием и умерщвлением плоти умилостивить разгневанные небеса. **Бичующиеся, или братья Креста** сперва появились в Венгрии, и вскоре эпидемия самобичевания распространилась по большей части Германии, по Богемии, Силезии, Фландрии и Польше. Одетые в грубую одежду, с нашитыми на груди и спине красными крестами, бичующиеся ходили по городам процессиями, с зажженными свечами в руках, с хоругвями и крестами, при пении покаянных канонов. Каждый член братства имел большую трехвостную плеть, на концах с несколькими узлами, в которых были укреплены железные острия. Народ встречал эти процесии с колокольным звоном, и многие в фанатическом порыве покаяния присоединялись к бичующимся, так что иногда составлялись толпы до 10 000 человек. Были также процесии бичующихся, состоящие из детей 10—12 лет. Члены братства Креста обязаны были постыдиться и совершать подвиг покаяния в продолжение 34 дней (в память 34-летней земной жизни Спасителя). Бичевание производилось два раза в день, всенародно и торжественно, причем, эти фанатики с молитвой и песнопением стегали сами себя и друг друга своими плетями по голой спине и груди до тех пор, пока кровь начинала течь ручьями. Не признавая духовенства, братья Креста сами отпускали друг другу грехи, завладевали храмами и совершили в них богослужение. Преследования бичующихся не достигали цели, несмотря на то, что в некоторых местах братья Креста, как еретики, подвергались казни сожжением. В этой эпидемии мы видим пример повальной фанатической экзальтации, по временам доводившей до состояния, близкого к экстазу. Мистики, особенно в состоянии экстаза, вообще склонны к самотерзанию. Крайне напряженная, сосредоточенная на одной мысли деятельность мозга делает нечувствительными и самые жестокие телесные муки. Кроме того, в таких случаях, нервное расстройство может также выражаться в изменении периферической чувствительности — в более или менее распространенной анестезии или аналгезии; бывает и такого рода расстройство периферической чувствительности, что те механические раздражения, которые нормально

обуславливают ощущение боли и страдания, напротив, вызывают ощущение приятное.

...Имитативность, стремление приходить в унисон с окружающими людьми, есть существенное свойство человека, существенная черта его психо-физической природы, данная в самом устройстве нервно-мозгового механизма. Громаднейшая часть физиологических нервно-психических актов заразительна; мы видим контагиозность головно-мозговых рефлексов, контагиозность настроения, чувства, страсти, побуждений, стремлений, идей; что касается до действий вообще, то они заразительны постольку, поскольку они сводятся на автоматические акты, или поскольку они определяются настроением, чувством или страстью. Точно так же заразительны и болезненные стремления, болезненные чувства и страсти. Конечно, в происхождении душевных эпидемий играют роль различные причины и условия, случайные и частные, общественные и исторические, но, во всяком случае законы нервно-психической контагиозности здесь имеют громадное значение. Крайняя экзальтация ведет к общему расстройству нервно-мозговой системы и не удивительно, что в душевных эпидемиях мы так часто встречаемся с различными нервно- и психопатическими явлениями — гиперестезиями, анестезиями, аналгезиями, параличами, судорогами истерическими и эпилептоидными, с пляской св. Витта, с состояниями сомнамбулизма и экстаза, с иллюзиями и галлюцинациями. Доказать первичную заразительность этих страданий трудно, но не подле-

жит никакому сомнению высокая степень заразительности экзальтации — их общего источника. Во всяком случае факт коллективных галлюцинаций неоспорим.

Мы видели, как велико действие нервно-психического контагия в жизни индивидуальной, общественной, исторической. При слабом развитии высших мозговых функций — мышления и воли — весь век свой человек может прожить жизнью пассивной, так сказать, — машинально, служа копией и зеркалом для окружающих его людей. При таком отсутствии личной самостоятельности в человеке не может быть и речи о нравственной свободе его. Только сознательное, логическое мышление, самостоятельная переработка внешних впечатлений, имеющая конечным результатом сознательное решение воли, делают человека свободным. Однако, и при высокой степени умственного и нравственного развития человек никогда **вполне** не избежит действия нервно-психического контагия. Разве ученые и развитые люди не участвуют в повальных заблуждениях? Факты прямо говорят, что современный высокий уровень знания вовсе не гарантирует даже и интеллигентный слой общества от душевных эпидемий (достаточно вспомнить, что в числе спиритистов немало ученых людей) и едва ли скоро наступит такое время, когда бы не могли иметь места повальные заблуждения и эпидемическое безумие... Меняются только **формы** повальных болезней души, меняется содержание бреда — и трудно предвидеть конец этим сменам...

Дудаков С. Ю.

«ИСТОРИЯ ОДНОГО МИФА».

АНТИСЕМИТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX—XX ВВ. В РОССИИ
И «ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»

М.: Наука, 1993.

Общеизвестно, что «Протоколы Сионских мудрецов» — литературная подделка конца XIX в., созданная тайной полицией России, с целью показать, что причиной всех общественных неурядиц и потрясений являются действия еврейских заговорщиков, стремящихся к мировому господству. Но мало кто из читателей знает, что идея всемирного «жидо-масонского заговора» внедрялась в российское общественное сознание гораздо раньше фабрикации «Протоколов». Эта «заслуга» принадлежит представителям литературы «второго ряда».

Автор предлагаемой читателю книги, известный израильский ученый Савелий Дудаков, подробно и корректно проанализировал особенности общественно-политической мысли России второй половины XIX — начала XX в., причины столь бурного развития антисемитской литературы. Особое внимание уделяется массовой беллетристике этого времени, произведениям ныне забытых писателей — Вс. Крестовского, Б. Маркевича, С. Эфрана, Н. Вагнера и др.

Совершенно особое место в формировании мифа о «жидо-масонском заговоре» принадлежит произведениям церковного писателя С. А. Нилуса, включившего «Протоколы» во второе издание своей книги «Великое в малом» (1905 г.). С. Дудаков впервые в научной литературе анализирует «Протоколы» и эсхатологическое сочинение С. Нилуса как единое целое.

Автор рассказывает о преемниках Маркевича и Нилуса в пронацистских белоэмигрантских кругах, о возрождении антисемитской мифологемы на отечественной почве в годы сталинизма и застоя, а также о том, как на фоне полного краха официальной идеологии и продолжающегося кризиса религиозного сознания в современной России антисемитские мифы успешно заполняют идеологический вакuum.

Книгу можно приобрести в Литературном музее:

Москва — 103051, ул. Петровка, 28

«Я прочел книгу С. Дудакова «История одного мифа» с живым интересом и пользой для себя: даже в тех случаях, когда речь идет о предметах, к которым мне прежде приходилось проявлять интерес, автор каждый раз предлагает детали, нюансы, уточнения, мне доселе неизвестные... Исключительное богатство тщательно собранного и точно проанализированного фактического материала говорит само за себя. Российский читатель: имеет право с этим материалом ознакомиться.

С отдельными выводами автора можно поспорить — и прекрасно, книга, подающая повод к дискуссии, приносит дополнительную пользу...»

С. С. Аверинцев
член-корреспондент РАН,
член Всемирной Академии культур,
член Европейской Академии (из отзыва)

«СЕМЕЙНАЯ» ИСТОРИЯ

Что ни день — права провозглашаются. Вот и новая Конституция утвердила приоритет прав человека. Гарантию их обещает обеспечить Закон РФ о психиатрической помощи. Только вот на практике получается иначе. И право пользоваться правами принадлежит власти и силу имущему — такой вывод приходит после знакомства с этой «семейной» историей.

Аня Л. вышла замуж за актера из той же музыкально-драматической братии, которой руководил известный композитор Р-ков. Муж не понравился отцу и матери Ани, может быть, потому, что они в его намерениях усмотрели якобы меркантильные мотивы. Может, из-за того, что он не столь богат и знатен, как им хотелось бы.

Дальнейшие события развиваются по законам мелодрамы, аранжированной композитором Р-ым. Дочь поселяется отдельно от родителей, лишь изредка их навещая. Каждая встреча с родителями сопровождается бурными и немузыкальными сценами. В связи с длительной (1—2 месяца) разлукой с дочерью отец обратился к частному детективу с просьбой установить место ее проживания (хорошо известное отцу) и пригрозить мужу Ани. Детектив по выходе мужа Ани из концертного зала затолкал его в машину и, использовав полученные в спец. органах навыки и выражения, потребовал «оставить в покое» Аню и перешедшую ей в наследство от деда однокомнатную квартиру на Кутузовском проспекте.

Аня и ее муж обратились в Управление внутренних дел Москвы и другие учреждения, призванные охранять жизнь, честь и достоинство граждан. Но все жалобы направляются руководящими инстанциями в 90-е отделение милиции по месту проживания Ани, одновременно милиция знакомит с их содержанием композитора Р-ва без ведома и согласия заявителя.

Далее действия развертываются уже под уверенной режиссурой композитора с привлечением основного и вспомогательного составов сотрудников милиции и психиатрической скорой помощи. «Хороший знакомый» композитора врач скорой психиатрической помощи Андрочкин подсказывает ему, что жалобы дочери на «преследования» отца — проявление тяжелого душевного заболевания Ани и ее мужа (с ними врач не беседовал). Дежурный врач скорой психиатрической помощи вызывается сотрудниками 90-го отделения милиции для знакомства с жалобами Ани и ее родителями. После этого знакомства у доктора Матюкова возникает «подозрение» о том, что Аня и члены ее семьи «мо-

гут страдать» душевным заболеванием и представлять для себя и композитора Р-ва опасность. На основании этого предположения в ночь с 9 на 10 сентября 1993 г. был предпринят «штурм» квартиры Ани с помощью наряда милиции и пожарных (на случай, если обитатели квартиры захотят выпрыгнуть с 8-го этажа).

Штурм удался. Сопротивление было подавлено силой. Спокойней всех вела себя Аня, которая умоляла мужа и его сестру не сопротивляться. Общим для всех «признаком психоза», как констатировали горе-психиатры, было нежелание отвечать на вопросы насилиников, возмущение нарушением элементарных прав. В ходе «штурма» дверь квартиры была сломана, из квартиры пропали иностранная валюта и ювелирные изделия.

В психиатрическую больницу были госпитализированы сразу три человека без всяких на то оснований, лишь по подозрению, касающемуся одного из них. Все трое были в допущенные Законом сроки выписаны из больницы с диагнозом полного психического здоровья.

Грубое, наглое и бесцеремонное нарушение всех человеческих прав, к сожалению, обернулось определкой. Радио «Свобода», откликнувшееся на это событие, говорило о возможности повторения психиатрических репрессий в стране, не назвав однако лиц, совершивших преступление: снова виноваты все вообще и никто в частности. Комиссия психиатров Главного медицинского управления Москвы констатировала нарушение врачом Матюковым статьи 29 Закона РФ о психиатрической помощи и рекомендовала администрации скорой психиатрической помощи «принять меры» для улучшения работы. От участия в комиссии отказались и. о. главного психиатра Москвы В. Н. Козырев и старший врач психиатрической скорой помощи Ф. А. Тинкован. Зачем позориться и нести персональную ответственность за разбор этого случая, если эту роль взял на себя и. о. председателя Всероссийского общества психиатров И. Я. Гурович?

Во время разбора жалобы Ани Л. комиссией психиатров Главного медицинского управления Москвы, во дворе дома, где работала комиссия, стоял микроавтобус композитора с его друзьями-телохранителями, готовыми по приказу «шефа» похитить Аню. Лейтмотив мыслей и действий был явен: «право на стороне силы, сила питается деньгами».

Э. Л. Гушанский

СНОВА ТЕЛЕФОННОЕ ПРАВО

Гражданский судебный процесс — тот же театр. Вяло и скучно развертывается действие с его монологами и диалогами вокруг казалось бы обыденного сюжета. Но — как и в театре — за будничностью происходящего скрывается драма страсти шекспировского накала. Обнажаются слабости и пороки, предательство и подлость. Но и взлеты человеческого духа тоже. До катарсиса еще далеко, но добро обязательно побеждает зло, а пока они ведут свою извечную борьбу на арене людской судьбы. И втягиваются в эту борьбу психиатры.

Сюжет драмы. Молодая женщина, педагог, живет во внешне благополучной семье, где есть все: муж, двое детей, обеспеченные родители мужа и широкая четырехкомнатная квартира в центре Москвы, которую свекр получил в придачу к внезапно свалившейся на него должности в аппарате бывшего вице-президента России А. Руцкого. Вот эта-то квартира и стала яблоком раздора, вот она-то и обнажила подлинную сущность каждого персонажа драмы. Помните, в известном романе: «Люди как люди, вот только квартирный вопрос их испортил»?

А теперь обратимся к эпистолярному повествованию.

«Президенту Российской Федерации господину Ельцину Б. Н. Уважаемый Борис Николаевич! В августе прошлого года Вы обратились за помощью к тем, кто собрался вокруг Белого дома, и мы остались, и три ночи (днем уходили на работу) дежурили, потому что верили в победу демократии. Тем горше нам воспринимать печальную действительность, когда возвращаются язвы прошлого: телефонное право и давление власти имущих на решение медицинских компетентных комиссий. Прошу Вас защитить мою племянницу Исаеву Татьяну Александровну, ее гражданские права и права матери от давления со стороны вице-президента Руцкого А. В. и сотрудника его аппарата Исаева Анатolia Васильевича — свекра моей племянницы. Кратко суть дела: Татьяна, 1959 г. р., в 1983 г. в г. Омске вышла замуж за Исаева Сергея Анатольевича. От брака родились дети, сын и дочь. Молодая семья жила с родителями мужа, которые получили квартиру в Москве. Используя свои связи, Исаев А. В. в 1990 г. устраивает длительную командировку в Алжир своему сыну, а невестка с детьми остаются в Москве в ожидании вызова к мужу. Однако в марте 1991 г. она в результате нервного срыва на два месяца попадает в психиатрическую больницу. После выписки из больницы Татьяна по напористому совету ее лечащего врача Ш. (Шахнович, запомним эту фамилию), во избежание психотравмирующей ситуации, которая могла возникнуть в семье свекра, уезжает к матери в Омск». Прервем повествование, чтобы сообщить о беспрецедентном поступке психиатрической больницы № 4 им. Ганнушкина. Не имея никакого медицинского запроса, а только по телефонному звонку из аппарата Руцкого, психиатрическая больница угодливо высылает выписку из истории болезни Исаевой в Омск. Из объяснительной записи Исаева А. В. своему непосредственному шефу, помощнику вице-президента Л. М. Зайке: «Жить вместе мы не сможем. Если будет размен, то мы ущемим

детей. Ей (Татьяне) надо жить в Омске с матерью и бабушкой, имеющими 2-комнатную квартиру, откуда она и приехала, выйдя замуж». Теперь ясно, где собака зарыта? Прикрыться детьми, до поры оставив их у себя, и тем самым оттяпать квартиру у их матери. Отцу, как выяснилось, дети не нужны; он намерен жить у новой жены. Вернемся к письму Исаевой. «Проходят два месяца, но муж Татьяны не возвращается, а продлевает командировку. Судьба детей и жены его мало волнует. Татьяна пытается вернуться домой к детям, но свекровь препятствует этому, советует Тане устраивать свою судьбу в Омске, а о детях забыть. В июне 1992 г. Таня приезжает с мамой в Москву, но родители мужа ее непускают ни к детям, ни в квартиру. Приезжает из Алжира муж Татьяны и подает на развод — у него появилась новая семья. А в это же время свекр (используя все то же телефонное право — сноска наша) с помощью зам. префекта Центрального административного округа Беляева А. В. и инспектора по опеке Шубиной Л. М. (и эту фамилию запомним) незаконно устанавливают опекунство над детьми без ведома и согласия Татьяны. Татьяна прошла комиссию у Главного психиатра г. Москвы, ВТЭК Свердловского р-на, обе комиссии признали ее здоровой, дееспособной, она законно претендует на право жить с детьми, работать и воспитывать детей, но ей отказывают в этом. Ссылаясь на имя Руцкого, Исаев А. В. подвергает сомнению решение комиссии Главного психиатра, пытается добиться пересмотра решения районного ВТЭК городским ВТЭК, но последний подтверждает правильность решения районной комиссии. Оказывается давление на тех, кто пытается помочь с трудоустройством Татьяне: звонят по вертушке в Президиум РАН, чтобы Исаеву Т. не брали на работу лаборанта. Исаевы открыто издаются над матерью двоих детей, нарушая права человека, не дают ей возможности нормально жить и работать, унижают ее человеческое достоинство и их поддерживает в этом вице-президент России Руцкой! Борис Николаевич! Когда мы голосовали за Вас и вице-президента, мы верили, что наступят новые времена, когда правда и справедливость дадут нашему народу возможность возродиться на принципах правового государства. А на деле имя Руцкого используют (возможно с его согласия) мелкие грязные людишки, пролезшие в высшие эшелоны номенклатуры, бросая тень на авторитет новой власти России, на Президента и т. п.».

И последнее из эпистолярного повествования: письмо Исаевой Татьяны вице-президенту России А. В. Руцкому:

«Уважаемый Александр Владимирович! В Свердловском районном суде г. Москвы разбирается гражданское дело по иску работника Вашего аппарата Исаева Анатolia Васильевича о признании меня утратившей право на жилплощадь и мой встречный иск о принудительном вселении. Исаев А. В. до разрешения споров в суде, апеллируя принадлежностью к Вашему аппарату, воздействовал на медицинские учреждения, добиваясь проведения различных медицинских комиссий, поскольку его не устраивало, что врачи дали заключение о моем выздоровлении, и он тем самым лишен возможно-

сти моего выселения из квартиры. 30.07.92 г. я прошла медицинскую комиссию при Главном психиатре г. Москвы. В заключении комиссии указано, что я здорова, могу заниматься воспитанием своих детей и должна быть восстановлена в родительских правах. Решением районного ВТЭК от 21.08.92 г. группа инвалидности с меня снята. Узнав об этом, Исаев А. В. обращается с письменной жалобой в городской ВТЭК, подвергает сомнению решение районного ВТЭК. Хотя по закону он не имел права обращаться с подобной жалобой, являясь для меня человеком чужим. Городской ВТЭК после такого обращения из аппарата вице-президента, не дожидаясь истечения годового срока (какие там сроки, когда звонят от Руцкого!) требует через неделю провести повторную комиссию. Однако, врачи не поддались оказанному на них влиянию, подтвердили решение районного ВТЭК. Тогда Исаев А. В. обращается с письменной жалобой через МЗ РСФСР в Институт психиатрии. Меня вновь освидетельствовала комиссия врачей под председательством профессора Гуровича И. Я. (участвовала в этой комиссии и врач Шахнович, и никакого своего особого мнения не высказала — и это запомним), подтвердившая решение первоначальной комиссии о том, что я здорова, могу заниматься воспитанием детей. Далее следует обращение в МЗ РСФСР уже от руководства Вашего аппарата и ответ Минздрава направляется уже лично Вам и Вашему помощнику Л. М. Зайке (и здесь сработало телефонное право; зам. министра вытянулся в струнку и забыв о своих же инструкциях, регламентирующих выдачу врачебной тайны, отрапортовал о своей преданности власти «демократов»). Несужели у Вас и Ваших помощников нет более важных дел, чем состояние моего здоровья? Мое право на жилье, закрепленное в Конституции, по-прежнему нарушается. Несмотря на решение суда о вселении, семья Исаевых продолжает чинить мне препятствия в проживании вместе с детьми. Жить мне негде. Воспитанием своих детей я заниматься тоже не могу. Кроме того, по инициативе Исаева А. В. мне препятствовали в трудоустройстве. 14.10.92 г. в суде Исаев А. В. прямо заявил, что и в дальнейшем будет обращаться в медицинские учреждения, оспаривая решения медицинских комиссий о том, что я выздоровела. Прошу Вас защитить мои права на труд, на жилье, на воспитание моих детей от неправомерных действий работника Вашего аппарата Исаева».

Будущее показало, что Руцкой защищать не может, а только нападать — на мэрию, на Останкино... Но это так, к слову.

Вернемся к суду. Перед этим Исаева Т. по своей инициативе и по направлению судьи прошла комиссию в НПА, которая подтвердила ее практическое психическое здоровье. В суд был вызван автор этих строк.

Появление в суде специалиста «какой-то независимой психиатрической ассоциации» произвело на команду Исаева А. эффект разорвавшейся бомбы. Ведь у них был заготовлен козырь — выступление врача Шахнович. И врач Шахнович не обманула их надежд. Забыв о своей чести, о врачебном долгे «Ноли нощере», о своей подписи в комиссии Гуровича, признавшей Исаеву здоровой, она по-пинкерски отрапортовала, что болезнь Исаевой неизлечима, о чем свидетельствует прочитанная ею, опытным врачом, литература, в том числе дореволюционная и что она не рискнула бы отдавать детей на воспитание сумасшедшей. Затем выступила инспектор РОНО по опеке Шубина. Бывший инструктор райкома партии — она-то уж знала как угодить боссу! Она сказала, что детям лучше оставаться у родителей мужа, т. к. у них хорошие жилищные условия, а у Исаевой Т. нет жилья!... Исаев А. В. и его команда держались победителями под сенью своего высокого патрона. Судье ведь уже звонили... В перерыве адвокат Исаевой Т. ходил мрачнее тучи и утешал свою подопечную тем, что есть еще кассационный суд. Затем выступил независимый психиатр, который пояснил, что только на факте психического заболевания нельзя строить доказательства по статье 64 КоВС РСФСР*, что Исаева для детей опасности не представляет, и что в настоящее время она практически здорова, о чем свидетельствует и ее поведение на протяжении всех судебных процессов. Замечание психиатра в адрес бывшего мужа Исаевой о том, что его исковое заявление неграмотно было встречено следующей репликой его адвоката (наглый, развязный тип): «Сталин тоже писал неграмотно, но грамотно поступал». Так вот откуда рога-то лезут!

Но пора быть и катарсису. После совещания судья зачитывает определение, долго и нудно, мы все поникли, и вдруг «...отдать детей на воспитание Исаевой Татьяне Александровне». Надо ли описывать наше ликование? Адвокат жмет мне руку и говорит: «Ваша ассоциация одержала победу и выиграла процесс».

В. Батаев

* Отобрание ребенка без лишения родительских прав.

ИСТОРИЯ

«...СНЯТЬ КАК ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза,
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П171/21

Т.т. Горбачеву, Рыжкову, Медведеву, Шеварднадзе, Яковлеву, Лукьянину, Крючкову, Марчуку, Смоленцеву, Сухареву, Чазову, Яковлеву В. Ф., Капто, Павлову А., Фалину, Шкабардине.

Выписка из протокола № 171 заседания Политбюро ЦК КПСС от 15 ноября 1989 года

Архивная служба России открывает для исследователей все новые массивы документов бывшего ЦК КПСС. Есть среди них и касающиеся проблем психиатрии. Вот этот, например: выписка из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 15 ноября 1989 года за № П171/21 с грифом **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Как следует из документа, совершенную секретность с точки зрения тогдашних хозяев здания на Старой площади представлял вопрос «О совершенствовании законодательства об условиях и порядке оказания психиатрической помощи».

Сам факт обсуждения вопроса, далекого, кажется, от дел политической партии, на подобном уровне — Политбюро! — гриф таинственности на документе безусловно заставляет поломать голову будущему историку. Его же коллеге сегодня все более или менее ясно. Известны и повороты судеб «высочайших» исполнителей, что значится на документе: Горбачева, Рыжкова, Лукьянинова, Сухарева, Павлова, Крючкова и других. Позволим себе все же небольшой комментарий относительно времени появления документа.

К нему приложена записка, направленная в августе того же, 1989-го, года в ЦК КПСС руководителями тогдашних союзных ведомств — МИДа, Минздрава и АН. Выдержанная в традиционной бюрократической манере правительственные бумаги своего времени сейчас она не представляет информационного интереса. Закон о психиатрической помощи, «потребность в разработке» которого, по мнению авторов записки, назрела тогда, сейчас уже принят. Но вернемся в год 1989-й.

Знаменательно, что «существенные пробелы» в действующем положении об условиях и порядке оказания психиатрической помощи высокие ведомства обнаруживают... за два с небольшим месяца до открытия очередного конгресса Всемирной психиатрической ассоциации в Афинах. На «рабочем» уровне уже решено: членство Всесоюзного общества психиатров будет восстановлено в WPA — кредит доверия международного сообщества молодой

российской демократии растет. Поэтому МИД, Минздрав, АН спешат продемонстрировать верность принятым СССР международным обязательствам о соблюдении прав человека. Неважно, что эти самые права все еще не слишком соблюдаются в стране. Что и принятое всего лишь год назад, в 1988-м, упомянутое положение не выполняется. Нужен непременно закон! Как в других демократических странах. В самом конце записи, очень коротко — о самом главном, что более всего волнует и авторов, и ЦК КПСС: «снять вопросы психиатрии как политические».

Поскольку записи принятая, так сказать, к разработке самим Политбюро ЦК КПСС, ясно, как на Старой площади спешили снять эти «проклятые» вопросы психиатрии. Полным ходом шла перестройка (кое-кого из списка исполнителей до сих пор называют ее прорабами), демократическому имиджу весьма вредили не кончающиеся на Западе и начавшиеся в отечестве разговоры о злоупотреблениях психиатрией.

Разумеется, в правом углу записи — тоже гриф «СЕКРЕТНО», но уже без «совершенно». Жесткая иерархия здесь соблюдалась и в бумагах.

В сущности, так творилась наша с вами история; во всяком случае люди, ставившие свои отработанные подписи под засекреченными бумагами, думали, что историю творят. Искренне думали, вопреки словам о творцах истории подлинных. Курьез заключается в том, что к тому времени содержащееся в «совершенно секретных» бумагах давно уже стало секретом Полишинеля. И вспомнить о них сегодня стоит разве что по одной причине: фактически ЦК КПСС признал факт использования отечественной психиатрии в политических целях.

Будем надеяться, что с этим покончено навсегда. Но настораживает молчание самой отечественной психиатрии. Ничего не слышно об индивидуальных покаяниях причастных, многие психиатры упорно продолжают отрицать вообще факты злоупотребления специальностью. В свое время свидетельства

жертв психиатрических репрессий буквально «потрясли мир». Но не слишком — отчество. Да и всегда можно классифицировать как проявление болезни, как бред все сказанное, написанное, заявленное бывшими и настоящими обитателями психиатрических больниц. Сторонников такого подхода, видимо, немало, поскольку пока новый закон о психиатрической помощи остается в основном на бумаге. Врачи проявляют к нему мало интереса, гораздо меньше, чем прокуроры и судьи, например.

Поэтому есть смысл иногда вспоминать прошлое. Демократический закон — это хорошо, но каким долгим и мучительным для тысяч людей, ставших жертвами произвола, был путь к нему. Нельзя списывать все на «трудные времена», на них и так списано слишком много преступлений. Что же касается медицины, то просто нечувствительность к чужой боли есть для нее уже преступление. Прежде всего законов собственно профессии.

Как это делалось, напомнит небольшая антология, которую предлагаем вниманию читателей.

*

«Я убедился, что первые дни служат для того, чтобы сломить человека морально тотчас, подавить его волю к борьбе. Затем начинается «лечение» нейролептиками. Я с ужасом наблюдал, как изо дня в день понижается мой интеллектуальный, эмоциональный и нравственный уровень... Речь моя сделала судорожной и внезапной. Ухудшилась память... Я не хотел слышать криков, драк, хохота, рыданий, бреда. Целыми днями лежал и старался заснуть. Транквилизаторы способствовали этому.

В голове не было ни единой мысли. Единственные мысли, в ней оставшиеся — туалет, курево, и «чаевые», которые приходилось давать санитарам, чтобы я мог получить лишний выход в туалет. И еще одна — что я должен запомнить все, что видел там, чтобы впоследствии описать».

Т. Ходорович «История болезни Леонида Плюща»,

Амстердам, 1974.

(Математик Леонид Плющ, обвиненный по статье 70-й УК, находился в Днепропетровской СПБ в 1973—1976 г.г.)

*

«Иногда, «для удобства», больного привязывают к койке перед тем, как избить. В августе 1970-го года в 3-ем отделении санитары избили больного Ефимова, предварительно повалив его на койку... В 1-м отделении больного Владимира Степанова грубо затащили не в ту прогулочную кабину (больные гуляют в так называемых «кабинах», т. е. маленьких двориках, более похожих на деревянные ящики без крыши), в какую он хотел; больной, сопротивляясь, ударил начальника блока.., тот, вместе с санитарами, схватил его и отвел в палату, где продолжал избивать».

Из обращения Виктора Файнберга в международные организации по правам человека. С 1968 по 1973 год он находился в Ленинградской СПБ.

*
«В случаях провинностей — отказ от приема лекарств, препирательство с врачами, драки — больных привязывают к кровати на три дня и больше. При этом виде наказания не соблюдаются элементарные санитарные условия: больного не отпускают в туалет, а судно не подается».

«Хроника текущих событий», выпуск 10
(речь идет о Казанской СПБ).

*

«Особо тяжко сознавать полную неопределенность времени, на какое человека определили в это положение. У врачей существуют какие-то минимальные нормы. Мне они неизвестны. Однако, достоверно знаю, что совершивших убийство держат не менее пяти лет. Говорят, что политические в этом отношении приравнены к убийцам. Но их, если они не раскаиваются, могут не выпустить и после этого».

Петр Григоренко «Мысли сумасшедшего», 1976.

*

«Из этого учреждения значительно труднее выйти, чем попасть в него. Прежде всего, чтобы выйти, нужно официально и открыто заявить врачам, что ты признаешь себя больным... Второе, это нужно заявить, что поступал неправильно, что отрекаешься от всего, что делал. Я знаю несколько примеров, когда люди, не желавшие таким образом отречься от своей деятельности, пробыли много лет в больнице».

Владимир Буковский. Из сборника «Казнимые сумасшествием».

*

«Кололи по два раза в день, с 4-го по 18 января (автор имеет в виду аминазин в максимальной дозе, назначенной ему после объявления голодовки в Орловской СПБ, где автор находился в 1970 году.— Прим. Ред.), а с 19-го января... дают галоперидол, по 4 таблетки. От этого лекарства состояние самое отвратительное, не изведанное никогда раньше: едва прилег, тянет вставать, чуть шагнул, тянет присесть, а присев, уже хочешь опять ходить, аходить негде. Впрочем, это не мне одному так достается. Тут все мучаются от трифтазина, аминазина и от других активных средств».

Из рассказа Владимира Гершуни, «Хроника текущих событий», выпуск 19.

*

«ЧУВСТВ У МЕНЯ НЕТ»
из больничного фольклора тех лет
(ушами пациентов)

Не просите, у меня чувств на работе нет, а только инструкция.

Мы будем держать тебя до второго коммунизма.
Здесь лечат стенами.

Не волнуйтесь, конфискованная литература будет приложена к истории болезни.

Нормальный человек от наград не отказывается (из беседы врача с пациентом, который в знак протеста отказался от правительственные наград).

Ваша болезнь — инакомыслие.

Публикацию подготовила
Наталья Сафонова

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИЦ, НЕОБОСНОВАННО ПОМЕЩЕННЫХ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЛЕЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Ю. Н. Аргунова

В целях наиболее полного восстановления в гражданских правах лиц, подвергшихся политическим репрессиям на территории РСФСР с октября 1917 г., устранения иных последствий произвала и обеспечения посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба 18 октября 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»¹. В 1992 и 1993 гг. в него были внесены существенные изменения и дополнения².

В силу большой социальной значимости Закона, а также, учитывая обращения граждан по вопросам реабилитации на основании данного Закона в связи с необоснованным, по их мнению, нахождением в психиатрических учреждениях, считаем необходимым познакомить читателей и прокомментировать основные положения Закона.

Политическими репрессиями, в соответствии со ст. 1 Закона, признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помешания на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судом и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти, должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Таким образом, реабилитации подлежат, в частности, лица, которые исключительно по политическим мотивам (1) по решениям судов и несудебных органов (к последним относятся органы ВЧК, ГПУ—ОГПУ, УНКВД—НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры, «особые совещания», «двойки», «тройки» и иные органы, осуществлявшие судебные функции) (2) были необоснованно помещены в психиат-

рические учреждения именно на принудительное лечение (3), т. е. в связи с обвинением в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законодательством.

Такими действиями могли быть государственные и иные преступления: антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70 УК в редакции, действовавшей до Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г.), распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй (ст. 190¹ УК)³. Кроме того Комиссии по реабилитации Верховного Совета РФ предоставлялось право распространять действие настоящего Закона также на лиц, реабилитированных в общем порядке, когда имелись основания рассматривать факт привлечения их к ответственности как политическую репрессию (ст. 19 Закона)⁴. Иными словами, права и льготы, предусмотренные данным Законом, могли быть распространены и на лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, по-существу, за любое преступление, предусмотренное УК, если помимо необоснованности обвинения был бы установлен политический мотив в действиях правоохранительных органов.

При разъяснении данного Закона следует иметь в виду, что реабилитация лица предполагает пересмотр дела на основании юридического критерия (установления в его действиях состава преступления). Медицинский критерий (наличие психического расстройства) при этом не рассматривается. Если будет установлено отсутствие в действиях лица состава преступления, факт помешания его на принудительное лечение в психиатрическое учреждение признается необоснованным вне зависимости от наличия или отсутствия у него в то время психического заболевания. Вопрос о пересмотре медицинского диагноза, установленного обоснованно или необоснованно, на чем часто настаивают граждане, не входит в компетенцию органов, осуществляющих реабилитацию в соответствии с данным Законом.

Несмотря на достаточно конкретное указание в Законе категорий граждан, подлежащих реабилитации, приведенная формулировка ст. 1 Закона до-

¹ Статья 190¹ исключена из УК Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г.

² В соответствии с Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 г., ст. 19 Закона признана не действующей и не подлежит применению как противоречащая Конституции РФ («Российские вести», 1994, № 7). Надеемся, что указанное право все же будет предоставлено соответствующей Комиссии Федерального Собрания Российской Федерации.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 44, ст. 1428.

² Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 28, ст. 1624; 1993, № 1, ст. 21. Последние изменения и дополнения были внесены Законом РФ от 3 сентября 1993 г. — «Российские вести», 1993, № 184.

пускает, однако, расширительное толкование этой нормы. В Законе не раскрывается какие именно случаи могут быть отнесены к «...иному лишению или ограничению прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя». Видимо поэтому на практике не редки случаи обращения граждан, в частности в Независимую психиатрическую ассоциацию, оспаривающих правомерность и обоснованность их госпитализации в недобровольном порядке в психиатрическую больницу. Многими из них стационаризование воспринимается как расправа, преследование за критику. Подпадают ли под этот Закон известные нам в прошлом случаи незаконного водворения в психиатрическую больницу лица лишь на том основании, что он «пишет письма в различные инстанции»? Усматривая в этом политическую подоплеку, граждане выражают требования о реабилитации их как жертв политических репрессий. По мнению специалистов отдела реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации данные случаи не охватываются настоящим Законом. Вместе с тем, придано необходимым дать по этому вопросу законодательное разъяснение.

Настоящий Закон в части порядка реабилитации распространяется на граждан РФ, граждан государств — бывших союзных республик СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства, подвергшихся политическим репрессиям на территории РФ с 25 октября (7 ноября) 1917 г.; на лиц, постоянно проживающих на территории РФ, репрессированных советскими судебными и административными органами, действовавшими за пределами СССР, либо военными трибуналами, либо центральными судами СССР и внесудебными органами; на иностранных граждан, репрессированных по решениям судов СССР или внесудебных органов за пределами СССР по обвинению в деяниях против граждан СССР и интересов СССР.

Наряду с лицами, к которым непосредственно были применены меры принуждения, пострадавшими от политических репрессий признаются, в частности, дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих родителей, необоснованно репрессированных по политическим мотивам (п. 2 ч. 1 ст. 2¹). По специальному разъяснению Генеральной прокуратуры РФ к указанной категории лиц относятся также дети, родители которых были необоснованно помещены на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Заявление о реабилитации может быть подано самим репрессированным, а равно любым лицом или общественной организацией. Заявление подается в органы прокуратуры по месту нахождения органа, принявшего решение о применении принудительного лечения, либо по месту жительства заявителя. Срок рассмотрения заявления не может превышать трех месяцев.

Органы прокуратуры с привлечением по их поручению органов государственной безопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с неотмененными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации. Порядок

указанной работы и распределение обязанностей определяются Генеральным прокурором РФ.

По материалам проверки органы прокуратуры составляют заключения и выдают справки о реабилитации заявителям, а при отсутствии таковых периодически представляют сведения о реабилитированных для публикации в местной печати.

При отсутствии оснований для реабилитации органы прокуратуры в случае поступления заявлений заинтересованных лиц или общественных организаций направляют дело с заключением в суд.

По заявлениюм заинтересованных лиц или общественных организаций о признании пострадавшими от политических репрессий детей репрессированных лиц органы прокуратуры проверяют материалы уголовных дел, составляют заключения и выдают справки о признании лиц пострадавшими от политических репрессий или сообщают об отказе в их выдаче. Решения об отказе могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном Законом РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»⁵ от 27 апреля 1993 г.

Суд, рассмотрев дело, поступившее с отрицательным заключением прокурора, признает лицо не подлежащим реабилитации либо признает, что лицо репрессировано необоснованно, отменяет состоявшееся решение и дело в отношении него прекращает. Суд может также внести изменения в ранее состоявшееся решение.

В отношении лица, призванного судом не подлежащим реабилитации, заявителям вручается копия определения (постановления) суда, а в случае признания его необоснованно репрессированным — справка о реабилитации. Определение (постановление) суда может быть оспорено в вышестоящий суд по заявлению заинтересованных лиц или общественных организаций. При пересмотре дела и внесении изменений в ранее принятые решения (в том числе о частичной реабилитации) заинтересованным лицам или общественным организациям по их просьбе выдается справка о результатах пересмотра дела.

Документы о реабилитации или признании лиц пострадавшими от политических репрессий, выданные в государствах — бывших союзных республиках СССР или бывшими государственными органами СССР, имеют силу на территории РФ. При необходимости органы прокуратуры и внутренних дел РФ запрашивают у соответствующих органов государства — бывших союзных республик СССР, выдавших эти документы, сведения об основаниях реабилитации и дают заключение по запросам соответствующих ведомств при решении вопросов, связанных с реабилитацией.

Реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти — родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных дел и получение копий документов. Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке. Реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 19.

сохранившихся в делах рукописей, фотографий и других личных документов.

Реабилитированные лица восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, им возвращаются государственные награды, предоставляются льготы, выплачиваются компенсации в порядке, установленном настоящим Законом и другими нормативными актами РФ.

Лицам, подвергшимся репрессиям в виде помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, органами социальной защиты населения по месту их жительства на основании документов о реабилитации и о времени нахождения в психиатрических учреждениях единовременно выплачиваются денежные компенсации из расчета три четверти установленного законом минимального размера оплаты труда за каждый месяц пребывания в психиатрических учреждениях, но не более 100 установленных законом минимальных размеров оплаты труда. (ч. 1. ст. 15). Лицам, проживающим за пределами РФ, денежные компенсации выплачиваются по месту их жительства в РФ до применения репрессий, а в случаях, когда место жительства определить невозможно, — по месту применения репрессий.

Реабилитированные лица и члены их семей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, в соответствии со ст. 16, имеют право на первоочередное получение жилья, а проживающие в сельской местности — на получение беспроцентной ссуды и первоочередное обеспечение строительными материалами для строительства жилья.

Лица, подвергшиеся необоснованному помещению на принудительное лечение в психиатрические учреждения по политическим мотивам и впоследствии реабилитированные, имеющие инвалидность или являющиеся пенсионерами, имеют право на:

а) первоочередное получение путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха;

б) внеочередное оказание медицинской помощи и снижение стоимости лекарств по рецепту врача на 50%;

в) бесплатное обеспечение автомобилем класса ЗАЗ-968М при наличии медицинских показаний на мотоколяску, при отсутствии противопоказаний к вождению автомобиля;

г) бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси), а также автомобильным и водным транспортом общего пользования (кроме такси) в пределах административного района проживания;

д) бесплатный проезд на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения и в автобусах пригородных маршрутов;

е) бесплатный проезд (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, — водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом со скидкой 50% стоимости проезда;

ж) снижение (для реабилитированных лиц и совместно с ними проживающих членов семей) размеров оплаты жилой площади и коммунальных услуг на 50% в пределах норм, предусмотренных законодательством, а также стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, проживающему в домах без центрального отопления;

з) первоочередную установку телефона;

и) бесплатную установку телефона;

к) первоочередное вступление в садоводческие товарищества и жилищно-строительные кооперативы;

л) внеочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении с выплатой не менее 25% назначенной пенсии;

м) бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями;

н) льготное обеспечение продовольственными и промышленными товарами.

Указанные льготы, за исключением пунктов «в», «е», «и», «м», распространяются и на лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий в соответствии со ст. 2¹ настоящего Закона и являющихся пенсионерами или инвалидами.

Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, имеют право на бесплатную консультацию адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией, а также освобождаются от уплаты государственной пошлины и возмещения судебных расходов при обращении в государственные органы и суд по вопросам, возникающим в связи с применением настоящего Закона, за исключением споров между этими лицами и их наследниками.

Лицам указанных категорий, имеющим право на перечисленные льготы, органами исполнительной власти на основании документов о реабилитации выдается свидетельство единого образца, который утверждается Правительством Российской Федерации.

Кроме того Законом предусматривается возврат имущества, вышедшего из владения граждан в связи с их репрессиями, возмещение его стоимости или выплата денежных компенсаций. Указанная норма будет введена в действие после утверждения соответствующего Положения Правительством Российской Федерации.

В заключение хотелось бы напомнить часть 1 статьи 10 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»: «Диагноз психического расстройства ставится в соответствии с общепризнанными международными стандартами и не может основываться только на несогласии гражданина с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья».

О ШИЗОТИМНОЙ АУТИСТИЧНОСТИ

П. В. Волков [г. Подольск]

ВВЕДЕНИЕ

Классик русской характерологии П. Б. Ганнушкин отмечал аутистическую оторванность шизоидов от внешнего реального мира [1], но подробного анализа аутистичности не оставил. Видимо Петр Борисович в силу своего циклоидного склада характера не мог прочувствовать аутистичность изнутри, как ее ощущают и переживают сами аутистические люди. Зато он оставил нам замечательный, остроумный образец восприятия циклоидом аутистического. Его описания шизоидов оскорбляют людей этого склада. Меня не покидает ощущение, что Ганнушкин изображал, по-преимуществу, примитивных представителей данного типа. Цель статьи — дать более уважительное описание одухотворенной аутистичности и, по возможности, изнутри. Это важно, так как неумение понять шизотимного человека приводит к гипердиагностике вялотекущей шизофрении. Очевидно, что психотерапевту, независимо от принадлежности к той или иной психотерапевтической школе, необходимо общаться и устанавливать контакт с пациентом. Как показывает опыт, сложному шизотому особенно трудно найти психотерапевта, который мог бы общаться с ним по-настоящему глубоко.

Задачей статьи также является различие смежных понятий: психотический, коммуникативный и психологический аутизм, аутичность и аутистичность. Читая выразительнейшие характеристики шизотимных людей у Э. Кречмера [2], [3], понимаешь, что он описал все эти пять феноменов, не сосредоточившись на их различии. И в наши дни, как правило, эти разные феномены обозначаются одним словом — аутизм, который при таком употреблении превращается в терминологическое пятно Роршаха, толкуемое всякий раз по разному. Все это лишь усиливает понятийную нечеткость, характерную для психиатрии и психологии.

Психотический аутизм, как он описан Э. Блейлером в работе «Аутистическое мышление» [4] — это психопатологическая стена между человеком и миром, приводящая к замурованности в самом себе, когда мысли и чувства теряют направляющие удила и в какофоническом разгуле ассоциативной причудливости подвластны лишь принципу удовольствия. При этом отмечается грубая дезориентация во внешнем мире и собственной личности.

Коммуникативный аутизм (к сожалению, я не нашел более удачного термина) определяется прежде всего слабостью эмпатии, недостаточной способностью адекватно для других выражать свои мысли и чувства, слабовыраженной эмоциональной привязанностью к людям при нередкой симбиотической связи с кем-то одним (обычно с матерью). Также важным ингредиентом является неумение правильно оценивать тонкости житейской ситуации, свое место в ней. Люди при выражении этих особенностей (слабость эмпатии, экспрессии, эмоциональной привязанности, рефлексии) производят при общении впечатление странноватой «вещи в себе». «Непонятно, про что они молчат» — так говорят о них знакомые. Если же они заговорят, их странность и непохожесть на других бросаются в глаза. Такие люди часто не понимают окружающих и сами остаются непонятыми. Некоторые из них страдают от неумения общаться и тщетно пытаются прорваться сквозь свой аутизм, другие же спокойно пребывают в нарциссизме. Характеризуя шизоидов, очень часто всецело фиксируются на таком типе аутизма. Некоторые известные московские психиатры говорили мне, что почти не встречали шизоидов в своей практике, так как, по их наблюдениям, люди с действительно грубым нарушением коммуникативных навыков, как правило, оказывались «подмоченными шизофренией». Такая точка зрения не удивительна, так как эти психиатры за диагностический критерий шизоидности брали выраженные формы описанного коммуникативного аутизма.

Психологический аутизм в той или иной степени свойствен любому человеку. Этую тему самобытно развивал А. А. Ухтомский [5]. Все, что хоть как-то отодвигает нас от живой

реальности, лишает способности «дышать» с ней в унисон, можно назвать аутизмом в широком смысле. Зачатки аутизма содержатся уже в том, что каждый из нас по-своему субъективно воспринимает мир, обладает собственной доминантой, видит в окружающем то, что предопределено его деятельностью. У любого из нас есть свои предрассудки, пристрастия, иллюзии, ограниченности, комплексы, страхи, частные жизненные задачи, и, если человек не может все это убрать в сторону в познании другого, он остается в плену у самого себя. Все мы живем в той или иной степени в комнате из зеркал, которые сами создали, и думаем, что воспринимаем мир. Индивидуальность — это ценность, инструмент познания, плоха лишь «накиль» на ней: застарелые обиды, зависть, конформизм, потребность в тонком самообмане, ложь, подкрепленная логичными рационализациями, страх быть честным, боязнь нового и многое другое. Все это психологически инкапсулирует нас. Также свою лепту вносят схематизм и инертность мышления, эгоизм, глуповатое самодовольство. Лишь медленно, по капле, мы можем избавляться от такого аутизма, если поставим это делом своей жизни. Аспекты психологического аутизма — личностное одиночество и закрытость. Личностное одиночество подразумевает заостренно субъективное развитие индивидуальности, резкое отличие от стандартов. Оно может приводить к ощущению человеком своей инопородности, невозможности в глубине души естественно слиться с большинством. При личностной закрытости человек может внешне легко и будто бы непринужденно общаться, но не впускает окружающих в душу, утаивая самое сокровенное (как хорошее, так и плохое). При этом он ощущает свою отчужденность, так как не бывает среди людей подлинно санным собой. В нем может жить страх: «Если бы они узнали меня таким, каков я есть, то не смогли бы одобрить и полюбить». И нужен, как говорит К. Роджерс [6], риск, чтобы выйти из бастионов своей закрытости.

Под аутичностью я предлагаю понимать самое простое: впечатление внешней замкнутости, необщительности, возникающее у окружающих по поводу того или иного человека. Причиной тому не дефект коммуникативных навыков, а душевые качества иного плана: ранимость, неуверенность в себе, предпочтение раскрепощающего одиночества шуму внешних дел, склонность к созерцательности, мечтательность и т. д. Это скорее понятие житейское по содержанию, а не клинически-дифференцированное.

Итак, мы подошли к аутистичности, под которой я понимаю, вслед за московским психотерапевтом М. Е. Бурно, [7] следующее. Самое главное здесь — ощущение независимого от тела Духа в его первичности по отношению к материальному. Нередко аутист* ощущает свою индивидуальную духовность как каплю общего океана Духа, стремящуюся из отчужденного (объективированного) состояния вернуться на Родину, в океан. Общее у аутистичности с аутизмом — момент отрыва от внешней реальности, ибо если человек душевно спаян с ней (как многие реалисты), то он не способен ощутить вышеописанное. Аутистичность не дефект, а один из интересных вариантов нормы, лишь гипертрофируясь, она становится психопатической. В данной статье, по примеру М. Е. Бурно, основное в шизотиках полагается именно аутистичность. Шизотим всегда аутистичен, часто выглядит аутичным (увешшим в себя). Ему, как и всем людям, присущи психологический аутизм, особенно личностное одиночество и закрытость, нередко коммуникативный аутизм, но в более мягких формах, чем при шизофрении. В отличии от ши-

* Понятия «аутист» и «шизотим» употребляются в статье как синонимичные. К «реалистам» относятся циклоиды и эпилептоиды. Астеники и психостеники, будучи также реалистами, занимают как бы промежуточное положение между синтонностью и аутистичностью. Многим, но далеко не всем, больным шизофренией свойственна аутистичность.

зофренических людей, он достаточно ясно осознает свои недекватности в процессе общения и понимает, как его воспринимают окружающие. Он критичней, чем отмеченный расщепленностью больной шизофренией, и ему не свойственна характерная для шизофрении однотонность. Некоторые шизотимы очень эмпатичны и с уточненной ясностью выражают свои мысли, не страдая коммуникативным аутизмом, описаным выше.

«Я не берусь разъяснять, а лишь оттеняю; хочу не научить, а увлечь. Оживить в точном смысле слова».

Ф. Г. Лорка

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Теплому, мягкому, тревожному земному человеку может быть неприятно, холодно и даже страшновато на вознесенных над землей вершинах, где обитает аутистическая мысль. Для аутиста же атеистическое материалистическое мировоззрение может ощущаться, как ужасающий своей бессмысленностью кошмар, замкнутая тюремная камера, и он всеми силами души стремится вырваться из них, чтобы в разреженном аутистическом пространстве вершить свой полет. Суть одухотворенной аутистичности — в способности отрешаться от непосредственной реальности, в которую мы все погружены, так, что в этой отрешенности из далекой глубины начинают пропасть тайные письмена. К ним аутист подбирает символический ключ, который находит в сокровищницах своей души. Он стирает налет второстепенностей, шелуху малозначимых подробностей, и его взору открывается более широкое, панорамное видение. Все это делает аутиста углубленным той самой глубиной, что лежит по ту сторону непосредственности.

Аутистическое — не причуда или фантазия, которые следуют за прихотливыми желаниями эмоций. По аутистическим тропам ведет ангел-хранитель, имя ему — интуиция. То, что это так, ясно чувствуешь, когда погружаешься в зрелое аутистическое творчество. Аутичность, если она религиозна, — это тонкая хрупкая ваза, в которой горит свеча потусторонности.

Аутичность, если она мыслительна, есть возведение сложных конструкций и как всякое строительство оно должно быть ограждено стеной, будь то стена монастыря или кабинет математика или та невидимая, но ощущимая психологическая стена, которой аутист нередко окружает себя сам. Шизотимная поэзия, проза, живопись тонко эстетизированы, символичны, психология глубинна, философия идеалистична. В идеалистических построениях как вечный лейтмотив звучит: реальный мир — только покрывало, срывающее которое, обретаешь всю полноту реальности, той самой, глубже и помимо которой уже ничего нет, ту самую, что не происходит из чего-то иного, а лишь из себя же самой, а все остальное из нее. Эта Реальность и есть Аутичность с большой буквой. Если аутичность есть самособойность (перевод термина), то эта реальность и есть высшая самособойность, завершенная и завершающая сама собой, осуществленная, сама в себе живущая Гармония. Для аутиста верующего — это Бог, для неверующего — что-то, что Бога заменяет. Аутистическая душа живет под знаком поиска высшей Гармонии. И мука шизотимного человека — завершить свою аутичность, замкнуть ее Гармонией.

Самособойность, по своей внутренней логике, требует возврата к истоку. Суть духовного поиска аутиста — стремление к замкнутости, даже еще точнее, замкнутости, которую созидает и несет в своей душе зрелый шизотим. Замкнутость, в данном контексте, внутренняя характеристика, стиль, строй душевной жизни, а не атрибут внешнего имиджа. Это волшебный, сияющий миг, когда кладется последний камень и все здание оживает ослепительной Красотой. В то же время, существует много внешне замкнутых людей, не знающих этой внутренней волшебной работы. Эти люди — аутичны, не аутистичны. В зависимости от особенностей, аутичность можно сравнить с замком (если она схематична, груба, малоталантлива), замком (если она величественна, сложна, многоярусна) или Небом (если она, прорываясь сквозь все ограничения, растворяется в бесконечности). Шизотим может многим пожертвовать ради стройной согласованности внутри себя. Как крошки со стола, он может отбросить части реальности, которые мешают ясности его внутреннего мира, в чем порой оказывается его жестковатость по отношению к действительности. У примитивных шизотимов поиск духовного мира может свестись просто к чувству комфорта покоя. Одухотворенный аутист подобен лермонтовскому пурпуре, который «ищет бури, как будто в бурях есть покой».

У каждого одухотворенного аутиста своя особенная дорога, нередко обрекающая его на долгие странствия по ней и чувство одиночества. Чувственный феноменальный мир не дает готового ответа на вопросы — откуда он, куда ведет, зачем возник. Он напоминает своеобразное незаконченное предложение, требующее разгадки интригующее многоточие. В поисках ответа аутист настраивается на высокую Глубину и по легкому шевелению душевых струн ищет разгадку. Сходство всех аутистов в том, что они не приемлют мир непосредственно, внося в него силу преломляющего луча, идущего из отвлеченных сфер и преображающего жизнь своим преломлением. Аутистическому взору понятие ландыша может казаться реальней самого реального ландыша. Отдельные ландыши недолговечны. Они рождаются, расцветают и гибнут, но во вновь появившихся, совершенно новых ландышах, узнается что-то, что было в ушедших, то, что дает им общее имя. Единый живой первообраз (эйдос), высвечиваясь в каждом отдельном ландыше, в отличие от беззащитного и слабого цветка переживает времена и пространства, вновь и вновь оживая ландышевыми полянками. Без таких неизменных первообразов-идей, имеющих телесное воплощение, мы потерялись бы в вечно меняющемся, никогда не бывающим равным самому себе, феноменальном мире. Ежесекундно меняющаяся действительность разбила бы наше восприятие в несвязанные друг с другом осколки. Только первообразы (идеи) создают определенность. Материя лишь наполнитель этих структуронесущих, бестелесных, но оформляющих всякое тело форм. Эти первообразы, просвечиваясь сквозь мир, существуют вне и независимо от человека. Человек лишь учится их распознавать согласно заложенной в его душе способности, и эта способность может свидетельствовать о связанной с вечностью нездешней природе души. На основе такого мироощущения развивается логически величественная, системная архитектура объективного идеализма, пока, наконец, весь мир не станет самовоплощением и развитием Идеи Абсолютной.

Другие аутисты делают акцент не на эти независимые Логосы-Идеи, а на непреложный факт того, что восприятие мира преломлено и опосредовано нашей субъективностью (не в вульгарном, а философском смысле слова). При таком подходе объективная реальность, превращаясь в субъективный проект, испаряется до знака вопроса о самой себе. Все посылки и принципы берутся из человеческого сознания и в него же возвращаются. Все есть сознание, наблюдающее само себя и только по наивности полагающее, что наблюдает за чем-то иным. Как существует камень, который лежит у нас за спиной и о котором мы ничего не знаем? Есть ли он вообще и, если да, то как выражено его бытие? Все, что остается от этого бытия, является лишь нашим представлением, что каким-то, уже неуловимым для нас, образом он существует. Ничего сверх этого сказать невозможно. Как наше сознание может выражать нечто, что этим сознанием не является — существеннейший вопрос гносеологии. И как его не решай, ответ один — опять лишь средствами сознания. Принцип несводимости реальности к сознанию существует только как особая часть сознания. Круг замыкается, онтология сводится к особому типу философской (не наивной) психологии. Материя, как истинно объективная реальность, есть нечто, что не будучи выражено средствами сознания, все-таки существует. Но как? Наступает тишина, из которой восстает призрак солипсизма, который, как вечная пустыня одиночества, духовно-психологически невыносим для человека [8]. И дабы не ощущать его холодного дыхания, аутист в этой тишине за границей сознания интуитивным «сверхрадаром» пытается нашупать мистическую Волю, Бога, что-то более живое, чем материя. Субъект неустраним даже в доисторические времена, когда и субъектов еще не было. Аутист не отрицает, что Земля существовала тысячи лет назад, он лишь философски проясняет природу этого существования. Оно опять, неотрывно от субъекта, понимаемого уже не как смертная личность, а как некое абстрактное сознание, перед взором которого и развертывались давние времена и который все видел, как если бы мы это видели, если бы существовали тогда и могли наблюдать. Мы можем рассуждать о доисторическом лишь настолько, насколько можем представить каким оно должно было бы быть, когда еще и нас не было. И представляя, мы как бы делаем это взором абстрактного (до нас существовавшего) сознания. Если же так не поступать, то всякое представление гаснет, и мы ослеплены наступающей темнотой. Только по детской неразвитости рефлексии можно этого не понимать. Когда реалист слушает рассуждающего подобным образом аутиста

У него непроизвольно возникает желание покрутить пальцем у виска, но, сделав усилие и вдумавшись в смысл, он теряет почву под ногами и, чтобы не потерять ее окончательно, говорит: «Послушай, давай жить, а не умствоваться». Аутист же вот так просто живет, не умствуя, не может. Итак, субъект неустраним. Это положение было филигранно продемонстрировано творчеством А. Шопенгауэра [9]. Онтология почти сливалась с психологией и суть вещей прячется в кокон «вещи в себе». На основе подобного мироощущения сплетаются тончайшие по своей психологической философичности узоры субъективного идеализма.

Философичная душа не только в философии такова, она и в реальной жизни сохраняет качество некоторой приподнятости над действительностью. Живой пример: мой пациент, гордый, сенситивный, но без теплоты душевной шизоид, поведал, что слезы и стоны родственников чаще его лишь раздражают. Он не может посочувствовать им всей душой. Их тревоги и вздохи кажутся скучными, хотя в целом он и ощущает привязанность к родным. И, вот, однажды, проходя мимо храма, он видит незнакомую, забытую людьми бабулю, бедную, нищенствующую, острые чувствительность пронзает его сердце. Он чуть не плачет от боли и жалости. Он готов ради этой бабули на жертву. Он идет дальше, так ничего конкретного для нее не сделав, но потрясенный и размышляющий. Чем он потрясен? Несчастностью вот этой одинокой старушки или той мировой тяготой, которую почувствовал, благодаря этой встрече? Он приходит домой и пишет поэтическое эссе, полное трагедийности и отчаяния. Сведи его жизнь ближе с этой старушкой (как с родственниками), он, по собственному признанию, будет раздражен. Может быть, потому он и мимо прошел, чтобы не утерять свою переполненность сочувствием. Его боль, как и сам он, обращена к людям, но в то же время приподнята над конкретным человеком. Он любит в них то, о чем можно размышлять в одиноких ночных бдениях. Должны же быть люди, думающие больше о человечестве, чем о человеке. Таков мой пациент.

С другой стороны, поражает и завораживает способность аутиста видеть даже в бытовом и привычном далекое и таинственное. Андрей Тарковский в своих фильмах нашел удивительный язык сновидений, когда даже капля молока, падающая в лужицу на полу, чарует нас чем-то нездешним. Вся, вроде бы обычная, реальность сдвинута каким-то таинственным образом и оживает неведомой жизнью.

Гениальный З. Фрейд яркий пример тому, как аутист запирается в своем Замке на замок.

Его же пример проясняет и то, что аутистичность, в первую очередь, является особенностью мысли и чувства, а не тем или иным мировоззрением. Фрейд был материалист и атеист, а гениален оказался именно своей аутистичностью, позволившей ему разработать теоретическую связь психоаналитических понятий, которая пережила его конкретную сексуальную теорию и на инструментарии которой работают современные психотерапевты. Шарм психоаналитических систем в том, что ничего там не понимается кратчайшим путем. Они чаруют тонкой змеиной гибкостью своих ходов-рассуждений, шарадами-расшифровками, густотой символических преломлений, сложностью и вылепленностью логических арабесок, многоярусностью конструкций. Но так уж случилось, что у отца психоанализа подвижность ума, богатого эрудицией и ученостью, служила неподвижности основного психоаналитического хребта, стремясь все гармонически врашать вокруг исходной идеи. При несовпадении основной идеи с фактами, Фрейд не спешил снять шляпу перед ними, стараясь несовпадения нейтрализовать не ломкой, а шлифовой основной идеи. Система усложнялась, разрасталась, обогащалась. Сила подобной манеры мышления в подробно углубленной разработке темы, слабость в замкнутости системы. В многозначности психоаналитических интерпретаций заложена изворотливость. Фрейд сконструировал принцип замены на противоположное: когда нечто значит не то, что оно есть, а как раз обратное. С помощью такого принципа интерпретативная свобода так возрастает, что уже и на «белое» можно сказать, что оно «черное», понимая белизну, как маску в которую переоделась «чернота». А если вы не хотите в белом признать черное, то в вас говорит сопротивление. В конце концов получается, что основная идея защищена интерпретациями и не достижима для прямых ударов фактов. Факт толкуется, переиначивается и доходит до сердцевины идеи в безопасном для нее виде. Сердцевина укрывается в чистых (теоретических) сферах, где объективная реальность лишена права решающего голоса. В эти сферы реальность доносится лишь интеллектуальными отголосками, из которых под руководством интуиции аутист творит свой смысл.

Аутисту трудно не воспринимать других людей по образу и подобию своей теории. Ведь теория, которую он обнаружил в глубине своей души, ощущается им как Истина. А она, по сути своей, может быть только одна. Что же дает аутисту веру в свой замок, стремящийся к Небу? Во-первых, открывшаяся Гармония есть сама доказательство своей истинности. Трудно представить, что эта тончайшим образом устроенное, синхронизированное Единство может быть случайностью, артефактом. Во-вторых, глубочайшая верность и соответствие теории по отношению к самому аутистическому автору. В-третьих, аутист ощущает себя не капризным ребенком, но слугой чего-то Невидимого, но существующего. В его душе есть некий внутренний голос, указывающий перст, нарастающий зов, прислушивааясь к которому работает математик, верит верующий, толкует психоаналитик, творят художник, поэт и философ. Это интуиция, голос Источника внутри ищущего. Аутистичность (для аутиста) есть обнаружение Невидимого, но Сущего. Хорошим примером может служить геометрия. Что она изучает? На первый взгляд, треугольники, катеты и гипотенузы. И да и нет. Геометрия изучает невидимое, она изучает «анатомию» пространства. Геометрические фигуры всего лишь способствуют зримому выявлению законов, по которым самоорганизовано пространство. Помогает этому мел и карандаш, потому что благодаря им невидимое можно сделать видимым. Само пространство пусто для глаз. Когда говорят: «Моим глазам открылось громадное пространство», — то увидели не само пространство, а те огромные протяженности, которые составили, быть может, поляны или железная дорога или воображаемая линия (хотя бы воображаемая подсознательно) от смотрящего до горизонта. Пространство почти не имеет собственного видимого бытия, оно скорее, как и тишина, является открытостью для бытия вещей. Пространство является имеющей существование абстракций. Открывающее существование всему, но само существующее в себе, оно раскрывает геометрию свои закономерности, ссылаясь лишь на себя, поэтому геометрия аксиоматична. Аксиома не требует доказательств, но она и не требует веры. Она есть доказательство самой себя. Очевидно, что между двумя точками кратчайшее расстояние — прямая. Это так просто потому, что иначе не может быть. Любая кривая линия окажется длиннее. Тут не нужен критерий практики. Смешон, кто вздумает проверить аксиому и начнет с сантиметром искать кратчайшее расстояние между двумя точками. Результат ясен до всяких опытов. Практические проверки никогда не обладают самоуверенной доказательностью аксиом, так как им всегда можно противопоставить сомнение: «Хорошо, так было миллиард раз, но где абсолютная гарантия, что и в миллиард первый будет также?» Опыт может подтверждать, но не может абсолютно утверждать. На это способна лишь априорная аксиоматичность. А Бог, разве он не есть невидимая, но существующая в себе сущность? Мне кажется, что аутистичность, с точки зрения содержательной, и есть способность выявлять и прояснять бытие Невидимых, но существующих в самих себе сущностей. Таковыми сущностями, по крайней мере, являются Дух, Бог, Высшая истина, Чистое пространство и время, Бессознательное. К априорной аксиоматичности тянется любая аутистическая работа души. О необходимости априорности для философии убедительно говорили Кант и Фихте.

Реалистичность постоянно обращается во вне, «ощупывая» объекты, которые своей плотью и непрозрачностью выявляют внеположенность Духа. Она описывает результаты этого «ощупывания» с минимумом привнесенных толкований*. В аутистичности мысль движется сама из себя, по своей внутренней логике (имманентное мышление), а в реалистичности следует за направлением, которое ей укажет внешний объект. Критерием становятся опыты, эксперименты, практика. С известным упрощением можно сказать, что реалистический способ познания занимается миром чувственных объектов, а аутистический выявлением самодвижения Сущностей зависимых лишь от самих себя и существующих вне чувственного мира. Естественные науки, житейский опыт питаются реалистичностью, аутистичность же царит в своих, более отвлеченных сферах. Главное, чтобы одно не подменяло другое.

Некоторые шизоиды со слабым реалистическим мышлением мало способны понимать человеческие отношения. Такому шизоиду трудно отличить доброго человека от злого, хитрого от простака, искреннего от лицемера. Ощущая барьер

* Научный принцип «экономии мышления» является типично реалистическим принципом,

взаимонепонимания, такой шизоид сам отстраняется от людей, и прячется в «скорлупе» своей профессии. Пытаясь компенсировать слабость жизненной интуиции, они стараются разбираться в людях с помощью вычислений, умствования, но чуткость сердца с трудом компенсируется логикой. В их рассуждениях о людях есть логичность (нередко схематичная), но понимают они межличностные отношения неточно. Другие, мягко аутистические шизотимы, неплохо ориентируются в общении и жизненных ситуациях. Они имеют аутистический взгляд на действительность, но при этом способны понимать другие, в том числе реалистические взгляды. Понимать — не значит разделять. Именно это делает их эмпатичными, так как эмпатичный человек не должен терять себя при сочувствии другим. В эмпатии есть элемент «как если бы», который предполагает понимание при некоторой отстраненности от того, кого понимают. Многие же истерические и сангвинические натуры, неспособные удержаться в этой отстраненности, теряют себя в общении. Эмпатичные шизотимы нередко тянутся к гуманистически ориентированному мировоззрению, признающему Индивидуальность за высшую ценность.

Пожалуй, всякий аутист — интроверт, но не всякий интроверт — аутист. Если за экстраверта принимать наблюдателя внешней жизни со склонностью к практической деятельности, а за интроверта созерцателя душевных движений, сосредоточенного на своем внутреннем мире, то тогда многие задумчивые психастеники, поэтически-мечтательные астеники, грустные сангвиники окажутся интровертами. Абсолютных экстравертов просто нет, лишь зеркало и фотообъектив — стопроцентные экстраверты. Полным интровертом также можно быть лишь временно, во время глубокого сна. Аутистическую интроверсию точнее можно определить, как обращенность внутрь себя, раскладывающую внешний мир по путям внутренних символических движений таким образом, что земная реальность теряет свой привычный облик. Реалистический интроверт видит мир интересно, неожиданно, порой в богатом переливе оттенков, но без этого аутистического преломления. Это — посюсторонняя, уважительная к естеству, интроверсия. В интроверсии аутистической заметен отлет от внешнего мира и измененность естества. Достаточно взглянуть на полотна Модильяни, Кандинского, Матисса, Пикассо и других, чтобы с несомненной очевидностью обнаружить отклонения от естества и внутреннюю режиссуру, которые являются себя на их картинах. Картины Перова, Саврасова, Серова, Левитана, Ренуара отнюдь не фотографическое, а одухотворенное и полное переживаний искусство. На их картинах земная действительность легко узнаваема и, как правило, сюжет выражает переживания конкретных людей и ситуаций, в то время как полотна аутистов выражают красоту и волшебство более абстрактных и философичных переживаний. В произведениях аутистов земной мир не выступает самоцелью, он как бы глина, с помощью которой выражает себя символическая душа. Искаженность естества может отвращать от себя глаз, но вот символ разгадывается и распахивается дверь в захватывающий дух полет. В своих полотнах аутист пытается дать почувствовать закулисную потустороннюю тайну, которая только заслонялась бы неискаженным естеством. Цель реалистического интроверта — тоны разглядеть реальность, а аутистического — увидеть то, что за реальностью. Физические глаза Кандинского или Модильяни видели реальность так же, как ее видят все нормальные люди. Их картины есть не непосредственное, а символически-философическое восприятие, это даже не видение, это — прозревание. В связи со всем сказанным становится понятным, что сон — это всегда аутизм и интроверсия, так как человек отрешается от внешнего мира и уходит в глубины своего Бессознательного, но сон не всегда бывает аутистическим. Если сновидения похожи на картины реалистов, то они реалистичны, а если похожи на картины аутистов, то аутистичны. Как правило, реалистам и сны снятся реалистичные, а аутистам аутистические. Причем, фантазии, свойственные снам всех людей, не обязательно черта аутистичности. Фантазерство — характеристика эмоционального инфантильного мышления.

Что же есть символ, столь свойственный аутистическому? Символ имеет поверхность и глубину, из которой идет потаенный свет. Знак мертв и беден, символ богат и жив. Это дверца в глубинное, а не дорожный указатель. Знак схематичен, символ таинственен. Символ тяготеет к бездонности, многозначности. Он порождает многообразие интерпретаций. Знак, чем однозначней, тем лучше, символ чем полифоничней, тем ценнее. Животное может неплохо распознавать знаки, но понять символ оно неспособно. Символ раскрывается

лишь духовному взгляду. При плоском механическом взгляде, он вырождается в знак. Кого-то одинокая хрупкая снежинка, падающая в темноте лунной ночи, или летящая в бездонной голубизне неба стая перелетных птиц заставляют остановиться, гипнотизируют, пробуждая массу ассоциаций. Других подобные вещи оставляют безразличными. У родственных душ символы совпадают. Аутистическое, как выражение духа, с необходимостью должно быть символическим. Дух незрим и поэтому нуждается в символе, как своем телесном представителе.

Разнообразие символов не случайно. Во-первых, разнообразна жизнь Духа, во-вторых духовная реальность не является фактической (как например высота Монблана) и потому все духовные учения, глядываясь в туманную даль загадки существования человека и мира, видят разное. Если наука, в процессе своего развития, перечеркивает свои предыдущие, в том числе бывшие базисными, положения, то аутистические системы развиваются иначе: они открыты бесконечным толкованиям, но хранят верность основным положениям. Так развивались все влиятельные религии. Диалог между ними бесконечен, интересен, но до сих пор не привел к единой точке зрения, хотя они и утверждают, что Бог один. Аутистические системы многообразны и большинству из них свойственен мировоззренческий аутизм (вариант психологического аутизма), сохранению которого часто придается особенное значение. Со всей очевидностью это выразил один христианский проповедник, наставлявший прихожан, что важно верить не тому, что мы видим, а тому, во что мы верим по поводу того, что видим. Мир давно ждет Аутистическую мессию, который дал бы единую, содержащую всю полноту Истины картину мира. На исходе второго тысячелетия нам кажется, что мы на пороге новой духовной парадигмы. Так ли это?

В отличии от религии аутистическая теоретическая наука пользуется более реалистическими критериями. Главные из которых внутренняя непротиворечивость теории и соответствие эмпирическим данным. Будучи аутистической такая наука склонна к отрыву — полету мысли. «Теории не являются обобщениями фактов. Это смелые, опирающиеся на воображение конструкции, которые стимулируются фактами и обобщениями фактов, но невыводимы из фактов и обобщений простым логическим способом и несводимы к фактам. Обобщения скорее ставят теоретические проблемы, чем дают теоретические ответы. Цель теории — интерпретация, а не просто описание. Теоретическая интерпретация призвана упорядочивать данные, придавать «образцы значения» для данных» [10]. Другой важной особенностью является научный поиск Гармонии. Для аутистического ученого главное не практическое открытие и его применение, а ощущение причастности к великой тайне природы, которую по крупицам наука раскрывает.

Аутисту легче представить, что его психика может существовать без тела. Часть его мыслей и переживаний (наиболее интровертированных) ощущается приходящей из особого внетелесного пространства. Внутренним усилием погружаясь в это пространство, аутист чувствует соприкосновение с Духом. Таким образом, с клинической точки зрения, аутистичность является прежде всего психофизиологической особенностью. Из этой особенности проистекает предрасположенность к идеалистическому мышлению и мировоззрению. Понятно, что идеология в значительной степени зависит и от воздействия культуры. Между психофизиологией, мышлением и идеологией существует подвижное, сложное, а не схематически-фиксированное соответствие. Реалист ощущает свою психическую жизнь как размышление по поводу восприятий, которые существуют благодаря органам чувств (стало быть благодаря телу). Он ощущает жизнь, как приходящую из непосредственности внешнего и внутреннего мира, не обнаруживая отчетливо в своей душе реальности вышеописанного особого психического пространства, выводящего в нетелесные сферы. Даже аутисту, чтобы ясно ощутить это пространство, необходимо сконцентрироваться, отвлекая свое внимание от непосредственности. Благодаря этой особенности, именно аутистам свойственна глубинная (а не просто инфантильно-эмоциональная) религиозность, нередко питаемая трансцендентными пик-переживаниями. Религиозность одухотворенных шизотимов не является слепой верой во что-то им неизвестное, а представляет собой реальное, особое состояние их души. О пик-переживаниях, как вестниках трансцендентного убедительно писал А. Маслоу [11].

Шизотимная душа по необходимости должна быть двуплановой. Внутренний план принадлежит аутистичности, которая нередко живет по своим законам. Шизотому же, как реальному человеку, необходимо жить по правилам внеш-

него мира. Этой цели служит внешний план его души, который существует по законам приземленного здравого смысла. Некоторые шизоиды стесняются своего внутреннего плана и стараются казаться «прожженными» реалистами. Другие же, игнорируя внешний план, стараются жить лишь в глубинах внутреннего.

Кроме вышеуказанных особенностей аутистичности свойственна парадоксальность, которую я попытаюсь продемонстрировать на примере восточной духовности.

Типично аутистичен медитативный путь. Молитва — признание слабости. В медитации нет беспомощности и мольбы, это прежде всего работа с сознанием, путешествие по его «земляничным полянам». Условно медитативный путь можно разделить на два этапа: первый — обнаружение «не — я», второй — соединение с Самостью. На первом этапе ученик осознает, что в его сознании нет смерти, так как сознанию невозможно представить себя мертвым. Всегда остается тот, кто представляет. Затем приходит понимание, что тело, эмоции, мысли не являются истинной Самостью, центром человека, так как они постоянно меняются, и за этими изменениями можно наблюдать изнутри и как бы со стороны. Причем наблюдающий, несмотря на эту изменчивость, остается неизменным. Далее, ученик может почувствовать, что энергетика тела, эмоций, мыслей отличается от энергетики наблюдающего центра, и, что он их может квази-чувственно ощущать и оценивать внутренним духовным окном сознания. Ученик обучается представлению, что у него могли бы быть иные тело, эмоции, мысли, а он бы, в глубине своего существа, оставался тождественным самому себе. Тождественным не в житейско-психологическом смысле, а в духовно-философском. При этом, к психо-физиологическим качествам вырабатывается отношение, как к одежде, которую можно менять. Этот первый этап не очень сложен. Пройти его могут многие, включая атеистов, при этом так и остающихся атеистами. Его можно сравнить с разглядыванием себя в зеркале рефлексии.

Гораздо более труднодоступен второй, интроспективный этап, когда разождествившись с «не — я», ученик погружается в себя и обнаруживает выход за пределы этого в необъятный океан Духа. Такое глубокое проникновение внутрь себя невозможно с помощью зеркала рефлексии, тут необходимы «интроспективный эндоскоп» и особая техника по его применению, что доступно далеко не каждому. Все, что было в центре внимания — это и его проблемы — уходит на периферию, а в центр приходит то, что обширнее этого и что последнее не могло бы создать. Достигается высшее состояние сознания, к оценке которого неприменимы диахотомические понятия, так как уровень оценочности существует на более низких, уже пройденных ступенях. При попытках применить диахотомические понятия, получаются лишь парадоксальные описания, которые обычному человеку ясны не более, чем хлопок одной ладонью. Духовные мастера сообщают еще об одном парадоксе: то, что они обнаружили в конце пути, было с самого начала, до всякой духовной практики, только тогда не замечалось, существуя как дальний фон на задворках обыденного сознания. Иначе и быть не может, так как «приобретенное вновь будет также и утрачено, а значит, оно будет непостоянным. Что непостоянно, то не заслуживает приложения усилий. Поэтому я и говорю, что Самость не достигается. Вы уже являетесь Самостью. Вы уже есть То» [12]. Аутистичность, вообще, часто парадоксальна. Кстати, парадоксы современной физики во многом напоминают содержание медитативных учений. Еще небольшой парадокс: медитация в одиночестве, в эгоцентрической сосредоточенности на себе приводит не к эгоизму, а любви. В достигнутой Самости заложено признание уважения ко всем другим существам. Преодолены добро и зло, и в каждом человеке видится вызывающая восхищение Самость. Также по достижению Самости, все остальные духовные пути (даже враждебно отрицающие медитативный) видятся ведущими по сути к одному и тому же. И все ищащие воспринимаются как «свои» и хочется пожелать христианину быть большим христианином, а мусульманину большим мусульманином. Главное в медитативном пути — обнаружить и стать, для Запада — познать и изменить). Достигший Самости мастер поражает наличием чуткой внимательности к здешнему и одновременной укорененностью в нездешнем спокойствии. Все, что он делает, глубоко и просто. Однако, простота мастера напоминает простоту формулы $e=mc^2$; за которой стоит сложнейший путь головоломных решений. Философия замолкает, оседая духовной мудростью. Такой же, лишь внешней, простотой отличается медитативная восточная поэзия. Сквозь

изящную простоту японского «хокку» высвечивается сложное духовное созерцание.

Между погруженным в медитативность мистиком (шизотимом) и больным человеком (психотиком) существуют как сходства, так и важные отличия. И мистики и психотики попадают в океан Бессознательного. У мистиков он, как правило, гармоничней, доброжелательней, у психотиков — неизменно зловещий. У мистиков погружение в эту пучину происходит под большим контролем и благополучней, больных же океанская волна слизывает с берега обыденности часто без их встречной просьбы и выбрасывает обратно покалеченных. У мистиков обыденное и трансцендентное сознание гармонизированы. Соблюдая законы эмпирического мира, мистик спустится с 5-го этажа по лестнице, а не через окно. У больных же мир мистического и обыденность сливаются. В этой психотической «яичнице» ориентировка крайне затруднена. У мистиков трансцендентный опыт органически включен в мировоззрение. Мистический же опыт у больных часто нежданный и неинтегрированный пришелец. Какая-нибудь тихая домохозяйка, занятая лишь делами мира сего, вдруг летит (в онейроиде) на далекую звезду, и там проявляет ход всякой живой твари. Вернувшись, она начинает свою проповедь, да вот слушает ее лишь больничный психиатр. Когда же наступает ремиссия, она себя не понимает. Нужен искушенный психоаналитик, чтобы объяснить, как домохозяйка переквалифицировалась в верховное существо. Психоз почти всегда — нарушение прежнего вектора жизненного пути, часто это не просто новое, а инородное всему прежнему в человеке. И, наконец, у здорового мистика не повреждены душевые способности, а душой больного коснулся своим крылом ангел разрушения.

Состояние души мистика можно сравнить с тихой гладью озера, отразившей бескрайнюю высь небес и слившуюся с небесной бесконечностью. Жизненные передряги — как скользящие по небу облака, не вызывая ряби в воде озера, не тревожат этого единства. Всем существом аутист ищет это состояние, где нет субъектов и объектов, причин и следствий, возраста и пола, и готов ради этой цели на большие жертвы. Реалисты же предпочут медитативной приподнятости над шипами повседневности конкретную боль и несовершенство своей жизни. Несовершенная жизнь, где любовь и разлука существуют, им родней и интересней чистой духовности. Нирвана и самадхи, в которых не остается конкретной индивидуальности, реалистов не привлекают. Вечность без телесной плоти им кажется скучной и блеклой. Чехова, Мэйна, Куприна они предпочут эзотерическим учениям. Порой человек, погруженный в медитативное блаженство, вызывает у них ассоциацию с наркоманом. Однако богатые человечностью мистики возвращаются с вершин сознания на греческую землю, т. к. для них нет полного завершения в самадхи, когда внизу остались миллионы непросветленных и страждущих людей. Мастера возвращаются, чтобы снова уйти на вершины, но уже вместе со всеми. Они любят всех (что невозможно для реалистов), т. к. любят не за что-то, а во имя и ради Духа, который усматривают в каждом. Главная забота учителя состоит в прогрессе учеников на пути к Духу, как чувствует и понимает его сам учитель. Тревоги о конкретных нуждах являются важной, но лишь сопутствующей частью его любви. Сам учитель превзошел эти нужды, отказавшись от их удовлетворения для себя. Если кто-то очень привязан к своим проблемам, то мастер может «принести» его за недостаточное радение о Духе.

Любовь аутиста зачастую преломлена призмой идей. Многие аутисты не обладают исходной, природной симпатией к людям и не могут легко устанавливать эмоциональные контакты. Однако, проникнувшись какой-то духовной ориентацией, они с ее помощью выходят во внешний мир и находят свою дорогу к людям. Когда аутист испытывает любовь «по предписанию» своей системы, а не природно-естественно, то разница всегда ощущается тонко чувствующими натурами. Переходя от рассмотрения любви, идущей по путям духовных систем, к более простой шизотимной влюбленности можно условно выделить два типа последней. Иногда, маленькая деталь может охладить казавшееся стойким чувство, а иногда, вопреки всем негативным переменам, аутист сохраняет свою привязанность. Он удивляет реалистов в обоих случаях. Математическая аналогия может прояснить сказанное. Когда аутист влюбляется, то в его душе (порой почти мгновенно) происходит сложное вычисление — доказательство, заканчивающееся выводом: этот человек мне нравится. Иногда, малейшее изменение данных в существенной части доказательства (уравнения или теоремы) кардинально меняет результат, а если изменения, какими бы значительными

они не казались, происходят вне значимой части доказательства, то результат остается прежним.

Антиподом аутистической любви является синтонная любовь чеховской Душечки. Ее любовь естественная, по-матерински хлопотливая, абсолютно здешняя. В экранизации рассказа есть деталь, когда Душечка просит не убирать со стены портреты бывших мужей, и я предполагаю, что ее любовь достаточно глубока. Если бы ее мужья не умирали, то она была бы верной женой, верной для одного мужа. Растворяясь в другом человеке и заботах о нем, она становится несамостоятельной в своих точках зрения на жизнь, вызывая этим у многих иронию (быть может несправедливую). Жить для себя, как и жить для Бога или Истины она не умеет. Беспомощная перед своей потребностью (глубинно-эмоциональной) растворяться в конкретных людях, она постоянно теряет себя. Я молю Бога, чтобы не иссыкала среди нас эта заботливая синтонность, которой тревоги конкретных людей так важны и близки. В земной юдоли отчуждения и озлобленности хочется, чтобы кто-то был предан именно тебе и чтобы твои несчастья и радости становились событиями в его душевной жизни, и чтобы он всем своим существом практически участвовал во всем этом. Аутист же неспособен так подробно погружаться в реальную жизнь, если только он не руководствуется какой-то великой идеей. У Душечки не было никакой идеи. Она жила естественно и просто.

Нередко аутист выдает себя неприятием бытовых усилий, неприятием до исступленности. Для него может стать мукой уборка в квартире, покупка продуктов, оформление официальных бумаг, ибо эти «привязки» глушат раскрепощенный аутистический полет. Категорично — преувеличенно звучит максима, что основное требование аутиста к внешнему миру, чтобы тот не мешал ему. В полной мере это приложено только к аутистичности прямолинейной, но в тех или иных дозах свойственно всякой аутистичности. Нередко шизотим старается уподобиться «кошке, которая гуляла сама по себе». Он может держаться за не очень выгодную работу, если она дает возможность распоряжаться собой. Аутисту осо-

бенно больно, когда жизнь заставляет отказываться от задуманного — ведь для него внутренний мир важнее внешнего.

У аутистичности с аутизмом есть общий момент — отрыв от реальности. Это предусловие того и другого, но, если при аутизме открываются ворота психопатологии, то при аутистичности этот отрыв есть необходимое предусловие для поиска Гармонии в неземном. Аутичность изнутри (то есть так, как переживает ее сам аутист) есть не самособойность, а Богодвижимость душевных и мыслительных переживаний. Это для тех, кто неспособен уловить эту Богодвижимость, она выражается в самособойности. Нередко для реалиста аутист сказочник, для себя же, ощущая Богодвижимость своей души, он пророк, глашатай, инструмент и мастер Бога, проводник внеземного. Кто-то один из них прав, но кто? Это знает лишь Бог, если он есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганнушкин П. Б. Избранные труды. М.: Медицина, 1964, с. 143.
2. Кречмер Э. Строение тела и характер. М.—Л., 1930.
3. Кречмер Э. Медицинская психология. М., 1927.
4. Блейлер Е. Аутистическое мышление. Одесса, 1927.
5. «Пути в незнаное», № 10, Москва, 1973, с. 371—435.
6. Rogers C. R. Client-centered therapy. — Boston: Houghton, 1951.
7. Бурно М. Е. Трудный характер и пьянство. Киев, 1990, с. 109—133.
8. Миоскович Б. Одиночество: междисциплинарный подход. // Лабиринты одиночества. М., 1989, с. 52—88.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1900.
10. Ю. А. Кимелев. Современная западная философия религии. М., 1989, с. 89.
11. Журнал трансперсональной психологии, 1972, 4, с. 112—115.
12. Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Тираннамалай: Шри Раманашрам, 1991, с. 65.

ИНФОРМАЦИЯ О 24-ОМ ЕЖЕГОДНОМ СЪЕЗДЕ АМЕРИКАНСКОЙ АКАДЕМИИ ПСИХИАТРИИ И ПРАВА

21—24 октября 1993 г. в г. Сан-Антонио (США) состоялся очередной двадцать четвертый съезд Американской Академии психиатрии и права. Эта академия, членами которой являются судебные психиатры, психологи и социальные работники, специализирующиеся в судебной психиатрии, проводит ежегодно подобные съезды, на которых обсуждаются наиболее актуальные научные и практические проблемы судебной психиатрии. Следует отметить, что интерес к подобным съездам со стороны членов академии чрезвычайно высок. На пленарных и секционных заседаниях активно обсуждаются волнующие всех проблемы, в том числе проводятся дискуссии по наиболее известным и спорным случаям из экспертной практики. Кроме того, тематика подобных съездов включает и обзорные лекции, своеобразную образовательную программу, позволяя ее участникам таким образом повышать свою квалификацию. В дни съезда работает выставка-продажа книг по судебной психиатрии и смежным с нею проблемам, проводится аудиозапись всех выступлений, причем каждый из участников тут же может приобрести аудиокассеты с интересующими его выступлениями.

Тематика докладов на прошедшем в Сан-Антонио съезде была чрезвычайно разнообразна. Обсуждались, в частности, такие вопросы как судебно-психиатрическое значение посттравматического стрессового синдрома у детей, возможность детей и подростков, страдающих психическими расстройствами давать показания. Немалый интерес пред-

ставили сообщения, касающиеся актуальной и для России проблемы серийных сексуальных преступлений, совершаемых одним человеком. Несколько докладов были посвящены проблеме лечения больных, совершивших уголовно наказуемые деяния, и методов прогнозирования, а также предотвращения их повторных опасных действий. Акцент, в частности, делался не только на особенностях стационарного лечения таких лиц, но и на всестороннюю терапию в условиях их микросоциального окружения.

Широко обсуждалась проблема конфиденциальности в судебной психиатрии, в том числе — в связи с особенностями взаимоотношений, возникающих в процессе судебно-психиатрического экспертного освидетельствования. Специальный обсуждался вопрос экспертной оценки по определению способности психически больного лица давать согласие на лечение. В этом контексте была освещена проблема информированного согласия для подростков.

Специальное секционное заседание было посвящено проблеме предстоящего принятия в США нового пересмотра классификации психических болезней (DSM IV) в аспекте судебно-психиатрической экспертизы. Участники заседания имели возможность ознакомиться с проектом этой классификации. Рассматривался вопрос о том, каким образом необходимо подготовиться к принятию этой новой классификации и как ее следует использовать в судебной психиатрии.

ВЫЕЗДНОЙ СЕМИНАР НПА В РЯЗАНИ

25—27 ноября 1993 г. по инициативе главного психиатра Рязанской области А. П. Кольцова и главного врача областной психиатрической больницы В. М. Савина НПА организовала семинар по правовым вопросам психиатрии, проведенный кандидатом юридических наук Ю. Н. Аргуновой. С деятельностью НПА участников ознакомил доктор Ю. С. Савенко. В семинаре приняло участие свыше 80 врачей. Присутствовали представители всех психиатрических учреждений области. Следует отметить живой интерес аудитории к разнообразным сложным юридическим вопросам, возникающим в психиатрической практике, например, в связи с проблемами приватизации, выборов и т. д. Проведенная консультация больного показала, что целый ряд вопросов возникает в силу инерции сложившихся стереотипов. Последовательное проведение Закона о психиатрической помощи

подчас позволяет вывести такие вопросы из-под ведения психиатрии. Работа семинара освещалась в местной прессе и телевидением.

Очень не хотелось, чтобы за сухими строками отчета потерялось непосредственное впечатление от самой Рязанской психиатрической больницы им. Н. Н. Баженова. Для нас, повидавших многие психиатрические учреждения, особенно отчетливо выступило индивидуальное лицо этой больницы, которая энтузиазмом и стараниями главного врача Владимира Михайловича Савина в самом деле оправдывает имя Н. Н. Баженова, памятник которому украшает продолжающуюся строительство территории больницы.

Профессор Н. Н. Баженов — выдающийся отечественный психиатр, был уроженцем Рязани и основателем этой больницы. Его имя связано не только с организацией этой и ряда других психи-

атрических больниц, первым опытом патронажа (1886 г.) и т. п., но также и с первым в России проектом Закона о психиатрической помощи, активной психотерапевтической деятельностью и тесными контактами с зарубежными коллегами, особенно французскими. Любовно и с размахом в больнице создан музей профессора Н. Н. Баженова. Разнообразная экспозиция, подлинные документы, искусственные макеты и муляжи воспроизводят разнообразную и по-прежнему актуальную деятельность этого замечательного психиатра.

Все многочисленные отделения, которые мы посетили, обилием разнообразных растений, даже деревьев, создавали впечатление зимних садов, что — наряду с большим количеством пейзажной живописи местных художников (сплошь оригиналы) и умело подобранным персоналом — целиком разрушало стандартный образ казенной больничной атмосферы, здраво продолжая традиции своего создателя.

Хорошо по современным меркам поставлены лечение и питание больных, добротны их постельное белье и одежда. Каждый врач имеет свой отдельный, своеобразно оформленный кабинет, что дает возможность полноценно работать с больными.

В отделениях выделены и хорошо оборудованы специальные комнаты для свиданий больных с родственниками. Все это — продолжение системы нестеснения и поэтому картина на всю стену кабинета главного врача, изображающая снятие цепей с душевно больных Филиппом Пинелем, воспринимается как действующий девиз больницы. «Старый запрет на цветочные горшки в психиатрических учреждениях безнадежно устарел, — говорит Владимир Михайлович, — никто ими у нас не бросается и цветов не обрывает».

С 60-х годов прошлого века в больнице ведется Книга отзывов посетителей. В ней история добрых дел многих поколений врачей, достойно продолжающих традиции российской психиатрии.

Рязань — город-побратим Мюнстера, праздновавшего в этом году свое 1200-летие, с психиатрической клиникой которого у НПА установилось плодотворное сотрудничество.

В результате этой поездки сотрудничество НПА с кафедрой психиатрии Рязанского медицинского института во главе с профессором В. И. Григорьевым дополнено партнерством с руководством практической психиатрии города и области.

ГОСТИ НПА

24—31 июля 1993 г. в Москве по приглашению НПА гостил Ричард Хилл, профессор-психиатр из Нью-Йорка. В сферу его деятельности входит не только консультирование душевнобольных, но и работа, связанная с решением правовых вопросов психиатрии, особенно ее области, касающейся детей и подростков. В течение последнего десятилетия проф. Хилл активно занимался изучением права, применительно к психиатрической практике, поскольку столкнулся с «полной правовой неграмотностью американских психиатров». Как клиницист Ричард Хилл относит себя к немецкой психиатрической школе, — его учителями были психиатры, эмигрировавшие из нацистской Германии. В работе с пациентами проф. Хилл придерживается клинического метода, включающего длительную беседу с пациентом. В ходе беседы выявляются и вычленяются основные симптомы и симптомокомплексы, что позволяет правильно оценить особенности течения болезни в отличие от тактики молодых психиатров, базирующейся в основном на тестировании.

В течение недельного пребывания в Москве

проф. Хилл был принят руководителем Департамента по гуманитарному международному сотрудничеству В. И. Бахминым, встретился с областным судьей, сотрудниками Института прокуратуры, провел лекцию-беседу с психиатрами московской психиатрической больницы № 16, встретился с членами Независимой психиатрической ассоциации.

12—16 сентября 1993 г. НПА принимала профессора Ричарда Уинслоу из Сиэтла (США), представителя постоянного Комитета по международным злоупотреблениям в психиатрии Американской Психиатрической Ассоциации. Этот Комитет (председатель проф. Рэй Фрибери) проявляет большую заинтересованность в ходе реформ в российской психиатрии. В 1992 и 1993 гг. на заседаниях Комитета заслушивались и подробно обсуждались сообщения представителя НПА о положении в отечественной психиатрии. Проф. Ричард Уинслоу ознакомился с различными сторонами деятельности НПА, присутствовал и выступал на заседании Совета Ассоциации, посетил ряд психиатрических больниц. Состоялся полезный обмен мнениями.

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Г. С. Померанц

ДВЕ НОРМЫ

В статье Н. И. Сафоновой* убедительно показана нелепость советской нормы психического здоровья. Однако нелепа всякая частная норма, возведенная в общий принцип. «Как странно быть персоном!» — восклицает персонаж Монтескье. Но так же «странно» быть французом. Личность, не укладывающаяся в прокрустово ложе, ненормальна. Но может быть, ненормально ложе? Может быть, больно общество, и здоровая реакция — попытка вырваться?

«Странно» быть интеллигентом, не общаться с соседями по кухне и писать в стол; «странно» возмущаться беззаконием (это называлось: «мочиться против ветра»). В обществе рабов свободный человек — странное существо...

А в обществе свободных? Не идеально свободных, не на планете Смешного человека Достоевского, а, скажем, в Нью-Йорке? Там ведь тоже свои нормы. Человек чувствует внутреннюю расколотость. Он взялся за работу, которая дает ему вдвое больше денег, чем прежняя, но постепенно отымает душу. Человек идет к психоаналитику, и психоаналитик мягко излечивает его от комплексов и помогает жить дальше... без души.

Слово норма имеет два значения: нормальный рост — это средний рост, а норма красоты — не средняя красота (прилагательное не состыковывается с существительным); скорее идеал красоты. Два значения нормы почти совпадают на стойбах бушменов или австралийцев, дальше они расходятся. В современном обществе статистически среднее — это пошлое. История — это нарастающий разрыв между нормами. Верхняя норма — Будда или Христос, а масса движется от грубости к пошлости. Установка на средне-нормальное ведет к торжеству пошлости.

Западная цивилизация основана на известном развитии личности, достаточно, чтобы разбираться в политике и разумно голосовать за одну из цивилизованных партий. Сравнительно с Западом, мы еще слабо развиты. У нас не партии, а зародыши партий, и не избиратели, а зародыши избирателей, слепо тычущиеся в urnы для голосования (неизвестно за кого). Но в России, в полосу первых великих реформ, был осознан идеал личности, намного выше достигнутого на Западе. Достоевский говорит об этом в «Зимних заметках о летних впечатлениях», гл. VII (Опыт о буржуа): «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями...»

Можно возразить, что это слишком круто замечено и потому недостижимо. Однако мы вступа-

ем в кризис, из которого только такая личность и способна вывести. Здесь, среди развалин Союза, в ожидании помощи от богатого Запада, трудно увидеть общую перспективу, но фаустовская цивилизация уперлась в тупик. Осталось несколько десятков лет, чтобы остановить рост материальных объемов (населения и производства) и перейти к цивилизации экологического равновесия. За короткое время придется научить людей «собирать свои сокровища на небесах» и не стремиться набирать больше и больше «гэджитов», красивых блестящих предметов. Скорее всего, люди, в массе, поймут свою задачу слишком поздно, и поворот в нужную сторону будут подталкивать катастрофы. Но другого выхода просто нет.

Более того, сама «нормальная» жизнь в перевитом обществе становится чудовищной и требует каких-то непривычных усилий, чтобы восстановить чувство целого. Жизнь теряет смысл, становится нарастающей душевной пустотой и путем к самоубийству. Ведущие психоаналитики (Юнг, Фромм), опираясь на клинический опыт, говорили о глубоком кризисе западного человека и искали выхода в восточных школах расширенного сознания.

Особенно яркую картину кризиса рисует Фромм. Стремление «иметь» поглотило способность «быть», целостность бытия. Об этом свидетельствует вся западная культура. Десятки романов говорят об иссякании чувств, когда потеряно чувство Целого...

Медленное и неполное развитие личности было достаточно в медленно, как дерево, дифференцирующемся обществе. В современном — развитии (то есть дифференциации) идет такими семимильными шагами, что восстановление цельности требует каких-то особых усилий, и Олдос Хаксли заметил: «Заниматься мистическими упражнениями так же полезно, как чистить зубы». Без медитации, молитвы, созерцания иконной красоты, без экстатического выхода из раздробленности к цельности все труднее и труднее обойтись. Но насколько нормален экстаз? Не приводит ли он к болезни?

Иногда приводит. Среди шаманов довольно часто (если не всегда) отмечались наследственные психические заболевания. Некоторые православные монахи на Афоне сходили с ума (их называли «прельщенными»). Об этом пишет Софроний в книге «Старец Силуан». Хакунин (японский старец XVIII в.) в своих автобиографических заметках рассказывает о «дзэнской болезни», каком-то особом нервном расстройстве, иногда со смертельным исходом (описание можно найти в книге Генриха Дюмулена «Дзэн, история и облик»). Достаточно клинических случаев было среди неумелых энтузиастов йоги в Москве. В этом ключе можно понять и некоторые эпизоды в жизни выдающихся талантов («арзамасский страх» Толстого, болезнь Достоевского).

Болезнь подстерегает на выходе из «среднестатистической» нормы без понимания пути к «иде-

* «Независимый психиатрический журнал», 1993, III—IV, 59—60.

альной норме» и без руководства опытного старца (употребляю термин старец как общее наименование учителей разных традиций—гуру, роси и т. п.). Князь Мышкин болен, потому что он одинок на своем пути. Но старец Силуан был здоров. Кришнамурти дожил до 90 лет, а Шивапурибаба — до 136 лет. Жесткой связи духовного дара с болезнью нет. Напротив, «среднестатистическая норма» сама по себе болезнена, скрыто болезнена и на каждом шагу ведет к «открытым» болезням. Подлинное душевное здоровье — не в примирении со своей расколотостью, а в обретении цельности.

В ряде стран делаются серьезные опыты использования восточной психотехники в двух направлениях. Во-первых, для лечения клинически установленных болезней. Здесь надо прежде всего указать на методы проф. Морита (см. перечень литературы). Во-вторых, знакомство с восточными традициями способно обогатить западную духовность. Один из эпизодов на этом пути описан в книге католического монаха Джонстона «Христианский дзэн».

Диалог психоанализа с дзэн и попытки интерконфессионального обмена методами аскезы могут сыграть свою роль и в нынешней России.

ЛИТЕРАТУРА

- Blyth R. H. — Zen and Zen classics. Vol. 1—7(5). L., 1960—1966
Dogen U. K. — Refining your life. N. Y., 1983
Dumoulin H. — Geschichte des Zen-Buddhismus. Bern-München, Bd. 1—2, 1985
Johnston W. — Christian Zen. N. Y., 1971
Miura J., Sasaki R. F. — Zen dust. N. Y., 1966
Shibayama Z. — A flower does not talk. Rutland-Tokyo, 1971
Timeless spring. A Soto Zen anthology. Tokyo-N. Y., 1980
Becker E. — Psychotherapeutic observations on the Zen discipline — «Psychologia», Kyoto, vol. 3, N 2
Doi T. — Morita therapy and psychoanalysis — «Psychologia», Kyoto, vol. 5, N 3
Kasamatsu, Hirai T. — Science of zazen — «Psychologia», Kyoto, vol. 6, N 1—2
Rogers A. M. — Zen and LCD: an enlightening experience — «Psychologie», Kyoto, vol. 7, N 3—4
Sato K. — Death of Zen masters — «Psychologia», Kyoto, vol. 7, N 3—4

НЕЗАВИСИМАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

проводится:

понедельник с 11 до 15

Москва, Лучников пер. 4, подъезд 3.
Метро «Китай-город» или «Лубянка»

четверг с 17 до 20

Москва, Малая Полянка 9, ПНК № 21
Метро «Полянка»

Телефон для справок: (095) 206-86-39

Почтовый адрес: 103982 — Москва, Лучников пер. 4
Московский центр по правам человека.
Независимая психиатрическая ассоциация

Экспертиза и консультации проводятся бесплатно

НПА

приступила к осуществлению проекта
«НЕЗАВИСИМАЯ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ СЛУЖБА РОССИИ»,
включающего следующие программы:

независимая психиатрическая экспертиза
новые системы реабилитации психически больных
реабилитация жертв жестокости и пыток
независимая издательская деятельность
образовательная программа
помощь неимущим психически больным

Как благотворительная организация НПА нуждается
в спонсорах и принимает пожертвования:

Московский благотворительный филиал МКБ «Главмосстройбанка»,
р/с № 700016, с/кор, счет № 2161610 РКЦ ГУ ЦБ России по Москве,
МФО 201791 уч. 83

ПСИХОПАТОЛОГИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Когда-то я удивился, услышав, как товарищ по группе психотерапии творчеством поставил на первое место в своей жизни отснятые им несколько слайд-фильмов («Это самое важное, что я сделал в жизни»), а потом уже воспитание дочерей и свою работу проектировщика и строителя. При очередном обострении болезни, пытаясь писать, я прочувствовал, что иного средства общения с «внешним миром» у меня нет. Способ самовыражения действует и в состоянии крайней подавленности, когда кажется, что, кроме острого переживания своей ненужности, своего «ухода» на диван под одеяло, ничего не существует.

Что-то описывая на бумаге, я «отделяю» это от себя, тем самым пытаюсь лучше разобраться в себе и в характерах окружающих. Так незаметно в глухом заборе депрессии, за которым я невольно оказался, появляются окна. Хорошо понимаю, что я — не писатель, но здесь задача иная: творчески смягчить обострение болезни — в том случае, когда лекарства слабо помогают.

Рассказ «Карен» ценен для меня еще вот почему. В ответ на мои жалобы психотерапевт посоветовал: «Перепишите этот рассказ от первого лица». Только дома, сравнивая написанное в разные периоды, я понял совет врача как один из способов повлиять на самочувствие. Описывать от первого лица в депрессивном состоянии представляется целебным: ведь так хочется спрятаться даже в рассказе, говорить как бы не от себя, «дезактивироваться».

Пробуя на себе различные виды терапии творчеством, общаясь с друзьями по психотерапевтической группе, все яснее вижу в этом возможность включить душу в движение, помочь себе в быту, в основной работе и продолжать жить дальше.

Хочется добавить, что издательство Российского общества медиков-литераторов в 1993 году выпустило сборник рассказов и стихов авторов, психотерапевтически помогающих себе творчеством, — «Болящий дух врачует песнопенье».

Александр Капустин

КАРЕН

Рассказ

— Что я ценю больше всего? — повторяет мой вопрос Юрий Петрович, — наверное, чувство искренней доброты. Ничто не помогает мне так в жизни, как доброта, хотя сам я, почему-то, стесняюсь показывать это чувство.

Юрий Петрович перестает потирать озябшие ладони. Мы останавливаемся у маленького озера. На поверхности воды неподвижно лежат желтые березовые и красные осиновые листья. Блестит на солнце паутина, натянутая на сухие высокие метелки конского щавеля. Под ногами красуется юный мухомор, перенесший первые заморозки.

— Недавно читал о пловце, который представлял себе на дистанции настигающую его акулу. Если такое состояние длится не короткое время заплыва, а продолжается, помимо воли, месяцами... — тонкая рука Юрия Петровича вяло и безнадежно дрогнула.

У каждого из нас возможны дни, когда мало волнует красота окружающего мира, когда не просто быть одному. Милый Юрий Петрович чутко понимает боль и горе других людей и часто мучается еще тем, что не в состоянии им как-то помочь.

— Страх, будь он даже надуманным, как в случае с мнимой акулой, — говорю я, — опирается на сидящий в каждом из нас инстинкт, потому логикой страх опровергнуть сложно. Доброта тоже, вероятно, одно из самых глубинных чувств, присущих человеку. Слова доброта и дебри одного кор-

ня. Истинная помощь, по-моему, вырастает из сердечного расположения, из родства душ.

Становится неловко от звучащей в моих словах назидательности.

Юрий Петрович отрывается пристальный взгляд от печально отражающихся в воде берез. Неожиданно мягко звучит его голос.

— Тридцать лет назад я находился впервые в больнице. Как-то обращается ко мне тяжело больной человек и с трудом повторяет дважды, показывая на себя пальцем: «Не становись Кареном!» Сквозь собственный бред я почувствовал тогда движение доброй больной души, сильное желание помочь другому, не имея даже возможности объяснить что-то словами. Всего один день я видел Карена, потом его перевели в другое отделение. С благодарностью помню этого очень полного, с асимметричным лицом и необычайно щедрым сердцем человека.

Юрий Петрович смотрит на часы. Ненадолго ожившее лицо его становится грустно-сосредоточенным. Мы молча возвращаемся к станции. Вдоль дороги, кое-где, встречается тысячелистник. Его белые соцветия еще держатся на жилистых, по-осеннему, стеблях с мягкими, сильно изрезанными листьями.

1993 г.

РЕКОМЕНДАЦИИ

- А. М. Матюшкин — «Будущее науки будет зависеть от нравственного климата в психологическом сообществе» — «Психологич. журн.», 1993, 4, 161—168
- Елена Иваницкая — Дедушка надвое сказал (к проблеме преодоления ментальных мифологем...) — «Знамя», 1993, 12, 174—182
- Т. Тышка, Й. Соколовска — Когнитивные представления в социо-экономических феноменах — «Психологич. журн.», 1993, 3, 67—78
- В. Н. Дружинин и др. — Исследование психосемантической репрезентации общих умственных способностей — Ibid., 47—54
- Е. Л. Доценко — Механизмы межличностной манипуляции. — «Вестн. МГУ», психол., 1993, 4, 3—12
- А. Ш. Тхостов — Болезнь как семиотическая система (сообщение 2-ое) — Ibid., 13—24
- С. С. Аверинцев — «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева. — «Вопр. философ.», 1993, 9, 16—22
- Н. С. Юлина — Философия для детей. — Ibid., 151—158

* * *

- Е. С. Меньшикова — Жестокое обращение с детьми и его возможные отдаленные последствия — «Психологич. журн.», 1993, 6, 110—118
- С. В. Янин — Факторы социальной напряженности в армейской среде — «Социологич. иссл.», 1993, 12, 36—50
- С. С. Соловьев — Методика измерения социальной напряженности в вооруженных силах — Ibid., 68—72
- М. С. Ковязина — О двух подходах к оценке эффективности реабилитации больных. — «Вестн. МГУ», психол., 1993, 4, 56—62
- В. А. Соснин — Переговоры по урегулированию этно-политического регионального конфликта. — «Психологич. журн.», 1993, 6, 16—22

* * *

- «2000 лет горестей любви»
Эжен Ионеско — «Иностр. лит.», 1993, 10, 230—260
- Белое и черное. — Ibid., 214—228

* * *

- Ю. Л. Менцин — Лаборатория и парламент. — «Вопр. истории естествозн. и техн.», 1993, 4, 3—15
- «Александр Иванович Гучков рассказывает»
Л. А. Коган — М., ТОО Ред. ж. «Вопр. ист.», 1993, 99—115
- Ю. Г. Фельштинский — «Выслать за границу безжалостно». — «Вопр. философ.», 1993, 9, 61—84
- Ольга Чехова — Разговоры с Бухариным. — М., Изд. гуманит. лит., 1993, 54—89
- Мои часы идут иначе. — «Искусство кино», 1993, 11, 69—97

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА ИЗДАНИЯ НПА:

ЕЖЕГОДНИКИ НПА «ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ ПСИХИАТРИИ» (под ред. Ю. С. Савенко)

В сборнике 1991 г.:

коренные просчеты общей психопатологии и пропедевтики в СССР; критерии психотического для аффективных и паранойальных синдромов; современная генетика против классификации А. В. Снежневского; связь клинической и общественной паранойи; психотерапия беженцев и жертв катастроф; к истории разгрома психоанализа

В сборнике 1992 г.:

вялотекущая шизофрения в контексте латентных форм других психозов; правовые вопросы психиатрии; анти-психиатрия и антисциентизм; пути возвращения доверия населения к психиатрии и психиатрам; черты мировоззрения в старости

В сборнике 1993 г.:

введение в феноменологию; новые реабилитационные программы; применение Закона о психиатрической помощи

БИБЛИОТЕКА НПА:

Е. Bleuler — Руководство по психиатрии

Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»

А. Кронфельд — «Дегенераты у власти»

ЗАКАЗЫ направлять по адресам:

117602 — Москва, Олимпийская деревня, 15, кв. 61.

Ю. П. Аргуновой

107076 — Москва, ул. Потешная, 3, Ин-т психиатрии.

Б. С. Шорникову

ПРОДАЖА изданий НПА осуществляется по указанным адресам, а также в газетном ларьке у выхода из метро «Чеховская».

Материалы для публикаций присылать по адресу:

125581 — Москва, ул. Ляпидевского, 18, кв. 41.

Ю. С. Савенко

«МОСКОВСКИЙ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

Проблемы психологического консультирования, тренинга и психотерапии у нас и за рубежом.

Индекс для индивидуальных подписчиков — 73 268,
для организаций — 73 269

Адрес редакции: 129366 — Москва, Ярославская ул. 13, ИПРАН
тел. (095) 282-4400

«ЛОГОС»

Философско-литературный журнал феноменологического направления, один из 4-х выпусков которого посвящается проблемам психопатологии

Заказы по адресу: 129282 — Москва, а/я 32

**ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ НА ИЗДАНИЯ НПА:
«НЕЗАВИСИМЫЙ ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»**

№ 1, 1991

Антипсихиатрия сегодня
Обывательские комплексы психиатрического мышления
О психической заразительности
Кризис Всесоюзного общества психиатров

№ 1—2, 1992

Проблема предмета советской психиатрии
Начальное бредообразование. Затухание бреда.
Доклад комиссии Всемирной Психиатрической Ассоциации
о визите в Советский Союз летом 1991 г.

№ 3—4, 1992

Герои и антигерои советской психиатрии
Дело генерала Петра Григоренко
Спецпсихбольница «Сычовка»
О медицинской тайне для высшего руководства страны!

№ 1—2, 1993

Интрацепция и ипохондрия
Проблема идентификации
Практика и техника психоанализа

№ 3—4, 1993

Взгляд на американскую психиатрию XX века
Границы шизофрении
Как «лечили» А. Д. Сахарова в г. Горьком

с 1994 г.

журнал внесен в каталог подписных изданий
с индексами 73 290 для индивидуальных и
73 291 для коллективных подписчиков

в очередных номерах:

Главы, исключенные из русского издания 1967 г.
«Клинической психиатрии» под ред. Груле и др.
Психические эпидемии
Психотерапевтический театр

во всех номерах с 1992 г.

юридические консультации

Информацию для подписчиков и рекламодателей
можно получить в редакции по телефону (095) 206-86-39.